

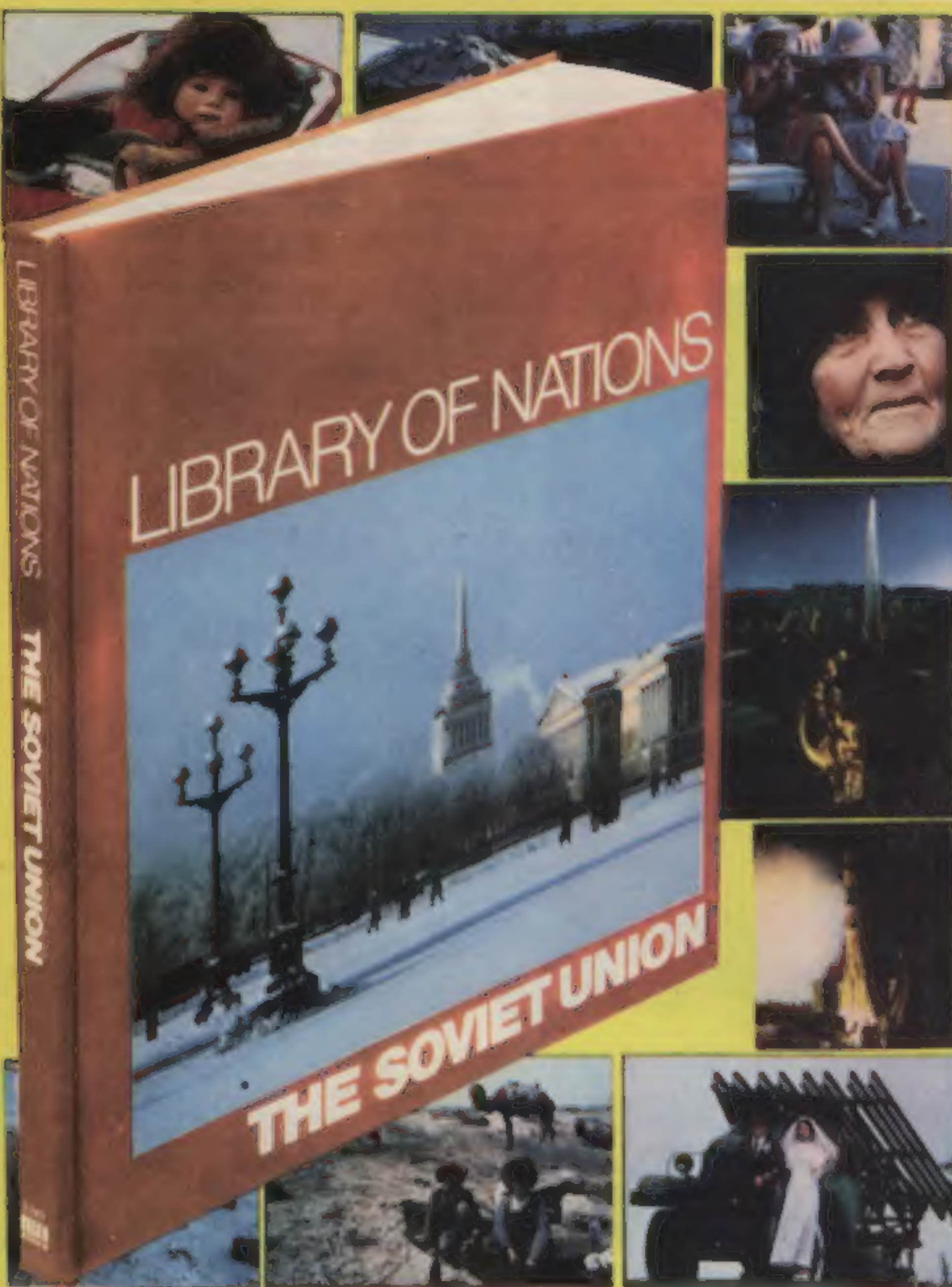
СЕНТЯБРЬ 9/88

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131-5994

НЬЮ-ЙОРК. Корпорация «Тайм-Лайф интернешнл» через рекламу, опубликованную в английском журнале «Обзервер», предлагает покупателям бесплатно ознакомиться с новым фотоальбомом «Советский Союз». Корпорация считает, что по истечении 10 дней — срок временного обладания альбомом — покупатель не захочет с ним расстаться и выплатит стоимость книги. А если покупатель придет к положительному решению в семидневный срок, тогда корпорация предоставляет ему бесплатно (и навсегда) цветную географическую карту (84×127 см) и комплект тематических карт по энергоресурсам, населению, доходам и пр. И еще: если покупатель, помимо этого альбома, приобретет и

следующий из данной серии — корпорация подарит ему микрокалькулятор на солнечной батарее (чтобы каждый мог быстро подсчитать, сколь выгодно иметь дело с «Тайм-Лайф»). Впрочем, о щедрости корпорации тут речь не идет: издатели уверены в успехе альбома, а значит, в хорошей рекламе будущих публикаций и прибыльности всего предприятия. Альбом действительно хорош с полиграфической точки зрения, хотя, на наш взгляд, в фотографиях нет ничего особенного — наша повседневная жизнь. Но тем-то и интересен фотоальбом для западного человека.

КОРАБЛЬ СОЛИДАРНОСТИ И ДРУЖБЫ готовится к отплытию в Никарагуа. Советский комитет солидарности с на-

родами Латинской Америки совместно с Советским Фондом мира и Советским Красным Крестом объявил о кампании по сбору средств помощи никарагуанскому народу. На собранные деньги будут куплены предметы первой необходимости, транспортные средства, трактора, экскаваторы, продовольствие, медикаменты, письменные принадлежности и игрушки для детей — этот груз доставит в Никарагуа советское судно. По пути следования намечается заход в порты социалистических стран и принятия на борт грузов от различных общественных организаций. **Просьба присылать деньги на субсчет № 705 СЛА, Никарагуа.**

БОНИ. На проводившейся здесь конференции по проблемам школьного образования выяснились поразительные факты: как оказалось, девять из каждых десяти школьников Западной Германии недовольны уровнем получаемых ими знаний, в первую очередь отмечая низкое качество преподавания и недостаток часов, отводящихся на занятия по профессиональной ориентации. Но больше всего участников конференции поразило тот факт, что с подобными замечаниями выступают дети из рабочих семей и из семей безработных.

Средства массовой информации ФРГ напрямую связывают ухудшение школьного образования с тем, что все меньше внимания уделяется промышленности, занятой выпуском школьных пособий и оборудования для школ, и с тем, что основная часть средств, выделяемых правительством на образование, попадает в элитарные учебные заведения, которые благодаря щедрой поддержке состоятельных родителей и без того не могут пожаловаться на бедность. (Примечание: в настоящее время в ФРГ более 85 тысяч безработных учителей.)

ИРЛАНДСКОЕ МОРЕ. Все лето курсировал по Ирландскому морю «Моби Дик» — корабль международной экологической организации «Гринпис». Цель кампании: привлечь внимание общественности к положению моря, которое, как считают участники «Гринпис», стало «самым зараженным радиоактивными и химическими отходами морем в мире». «Колонии морских птиц покидают свои привычные места обитания, здесь уже почти не встретишь тюленей и дельфинов, заражена рыба», — сказал один из активистов «Гринпис», Энди Бут.

Остановки «Моби Дика»: Дублин, Ливерпуль, далее — везде.

ЛОНДОН. Мы часто слышим, что рок-музыка борется за мир, призывает к социальной справедливости, с негодованием относится к проявлениям расовой дискриминации и апартеида. Все это мы знаем, но как конкретно рок-музыканты воплощают свои благородные замыслы в жизнь? А вот как: начиная с 11 июня этого года (этот первый концерт был показан по Центральному телевидению) и вплоть до весны 1989 года на стадионе Уэмбли в Лон-

доне ежемесячно будут проводиться концерты в рамках программы борьбы рок-музыкантов мира за освобождение южноафриканского лидера Нельсона Манделы.

Рок-музыканты подготовили специальную концертную программу, которая позволит к марту будущего года передать в фонд защиты Манделы более 2 миллионов долларов. Как видите, рок-музыка способна не только на красивые песни, но и на конкретные поступки. Среди участников серии концертов такие исполнители, как Уитни Хьюстон, Фил Коллинз, Крисси Хайнд, Стинг, Мириам Макеба, Джордж Майкл, «Дайр страйтс», «Ю-2», «Симпл майндс», «Ю Би-40», «Юритмикс», «Айрон мейден», «Генезис», «Джетро Талл» и многие другие.

ПАРИЖ. В № 3 за этот год в статье «Развращение трудом» «Ровесник» рассказал о системе «общественно полезных работ», получившей в последнее время распространение во Франции. По сути, общественно полезные работы, на которых заняты главным образом молодые люди, являются абсолютно бесполезной тратой времени за мизерную плату. Но вот что интересно: в ходе состоявшихся в апреле—мае президентских выборов выяснилось, что значительная часть французской молодежи считает себя обреченной на общественно «бесполезные» работы. Более того, многие из молодых людей только в заявлениях ФКП впервые услышали о том, что эта система — постыдное модернизированное рабство, результат антимолодежного расизма, укоренившегося во внутренней политике Франции.

БЕРН. Швейцарские школьники, которых вы видите на снимке, приветствуют вас, дорогие читатели «Ровесника», с началом нового учебного года.

Мы обладаем достаточным набором стереотипов, связанных с этой страной

(хотя наши представления уже начали изменяться благодаря и большому объему информации о жизни в Швейцарии, и прошедшему телемосту): «страна голубых озер», «страна тучных пастбищ», «страна банков и банкиров» и т. д. Но вот информация, которая удивила даже тех, кто считает себя знатоками швейцарской действительности: оказывается, жители Швейцарии покупают больше книг, чем жители любого другого западноевропейского государства. И, несмотря на обилие различного рода заведений, в которых можно провести свободное время, на разнообразие телепрограмм, доступность видеотехники, швейцарские школьники читают куда больше, чем их ровесники во Франции, Великобритании и ФРГ.

СИДНЕЙ. В преддверии XIII Международного фестиваля молодежи и студентов, который состоится летом следующего года в Пхеньяне, образован Австралийский национальный подготовительный комитет. В Подготовительный комитет входят представители 18 национальных молодежных и студенческих организаций, профсоюзов, групп борцов за мир, за сохранение окружающей среды. Как считают участники Подготовительного комитета, этот фестиваль, который впервые будет проходить на Азиатском континенте, привлечет внимание всей мировой общественности к проблемам молодежи Азиатско-Тихоокеанского региона, поэтому подготовка к фестивалю в Пхеньяне сможет консолидировать усилия различных прогрессивных групп молодых австралийцев.

«СТРАНА УОЛТА ДИСНЕЯ», «Диснейленд» — так называется страна сказок, фантазии и доброго юмора, которую можно найти в США, Японии, недавно первый европейский «Диснейленд» начал создаваться во Франции.

На первой странице обложки — посетительница токийского «Диснейленда» [фото С. КОЗЛОВА].

В НОМЕРЕ:

4. Нина Чугунова.
«ПЕСТРАЯ БАБОЧКА,
ЛЕТИ МЕДЛЕННО!»
8. В. Мелник-Карамов.
ТРАВА НА ПЕСКЕ
9. Массимо Дини.
ЭЛЬДОРАДО В АДУ
10. Тина Розенберг.
ПОТОМУ ЧТО Я ВЕРЮ
В СВОЕ ДЕЛО
12. Пьер Аски.
БЕЛАЯ АФРИКА
14. В. Симонов.
БЕЗ КАРТЫ
15. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
«РОВЕСНИКА»
20. Марина Влади.
ВЛАДИМИР,
ИЛИ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ
23. Джон Алдейк.
РАДИОРОМАНТИКА
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Джойс Карол Оутс.
КИД ДИНАМИТ
28. С. Кастальский.
ЛЮБОВЬ И «СКОРПИОНЫ»

Ровесник 9/88

Главный редактор А. А. ИОДНЕ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ,
С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ,
С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ
(зам. главного редактора).

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
А. Л. Анисимова
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП,
Новодмитровская ул., 5а. Телефоны:
285-89-20 — для справок, 285-80-62 —
отдел писем. Перепечатка материалов
разрешается только со ссылкой на
ежемесячник.

Сдано в набор 06.07.88. Подписано в
печ. 15.08.88. А13339. Формат 84×
108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л.
3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 3,7.
Тираж 2 400 000 экз. Цена 35 коп.
Заказ 154.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объеди-
нение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Сущевская ул., 21.

„ПЕСТРАЯ БАБОЧКА,

Нина ЧУГУНОВА

Фото И. ГАВРИЛОВА, Ю. КОЗЫРЕВА

Когда в Сванетии прошли лавины, в Сванетию поехали люди на помощь. Также поехали корреспонденты. Появились статьи. Одна из публикаций поразила меня совершенным мастерством — безупречным владением словом. Но я не могу судить этого человека, и если после увиденного его слово осталось при нем, значит, столько в этом человеке силы. Он писал, как люди, лежа на своих домашних постелях, слушали не шум, а приближение шума в горах, или это им после так казалось... Это очень хорошо написано!

Но другой человек, полетевший в горы фотографировать, потом пришел к нам, обхватил руками белобрысую голову и сказал, что, увидев порушенные дома и людей, бродивших вокруг, он отставил свою японскую, готовую снять все, что угодно, аппаратуру и пошел поправлять забор.

О чем я? Ну, неужели не ясно?

...Работает в одном из московских райкомов комсомола девушка Маша Адрианова. Звонит в Комитет молодежных организаций по какому-то делу, а ей вдруг говорят: мы тут испанцев должны принимать, они в Грузию едут строить дома для пострадавших во время схода снежных лавин в Сванетии. Маша говорит: возьмите меня, я испанский знаю. Откуда? — спрашивает ее молодой сотрудник комитета по имени Николай. «Я же по профессии медсестра, — сказала Маша, — я с ранеными сальвадорцами работала!» После этого разговора Маша ехала на такси домой, дома швыряла вещи в сумку и строчила маме бестолковую записку: «Мама, не волнуйся, я в Грузии, позвоню, Маша».

Ну, что должна была думать мама?

— Я Консуэла, — сказала толстушка.

— Я Эва, — сказала девчонка в свитере.

— Я Гоша, — сказал по-русски парень в забавной куртке.

— Гоша, — удивилась Маша, — зачем я вам, если, например, вы так прекрасно говорите по-русски? Неужели все так знают русский?

— Нет, — сказал Гоша, — больше пока никто. Я ведь тоже переводчик.

— До чего похож на испанца, — сказала самой себе Маша.

— Как ты относишься к перестройке? — спросила Эва.

— Что написано на той вывеске? — тянула за рукав Консуэла, когда они уже ехали в аэропорт.

— Ты так и не ответила: ты любишь перестройку? — И они все разом спрашивали ее о словах, о погоде, о Грузии,

о Горбачеве, о национальном вопросе и есть ли у Маши друг...

«Так теперь будет вся поездка!» — обреченно подумала Маша.

А самолет легонько побегал, как бы трусцой.

Строить предстояло в небольшом городе Махарадзе. Именно здесь, как пишут, возводились дома для пострадавших. Семьи, прежде жившие в горах и этой зимой потерявшие дом, теперь

спустятся жить немного ниже. Это не слишком далеко, чтобы почувствовать себя оторванным от земли предков. Но все равно это уже другая земля. Чуть-чуть, но другая. Те, кто строил, знали это. Они старались хорошо строить. Прежде к ним сюда приезжал на помощь небольшой отряд из Польши. Ничего. Можно сказать, молодцы. Помогли. Теперь приехали десять испанцев. Ничего. Пусть. Можно.

ЛЕТИ МЕДЛЕННО!"

Работа адская. Испанцы кинулись к работе, как голодные.

На следующий день была зверская погода — дождь, холод, а работы было все равно много, и этот день всех сплотил. Все вместе грелись, разжигали костры, и человек, ответственный за технику безопасности, одинаково ругал всех и заранее проклинал каждого, кто осмелится подняться на второй этаж строящегося дома.

У костров во время перекуров выяснилось, что грузинские ребята тоже, как испанцы, — добровольцы, из разных районов, направлены на помощь пострадавшим. А в обычное время у каждого своя жизнь. Но, например, Мамука уже второй раз приезжает на стройку. Ему двадцать, и дело его жизни — чай, а не стройка. Просто сейчас надо помочь.

Маша подумала: наверное, добровольцы все же проходили где-то очень хорошую подготовку. Слишком быстро, хорошо работают весь день. Бетон так ворочают! (Бетон перемешивался вручную. После в Москве мне один человек сказал: может быть, именно этот факт не стоит освещать — то, что вручную, что бетономешалки не было. Почему? — спросила я. «Это можно неправильно понять», — разъяснил мне человек. Но как понять правильно, не сказал.)

А бригадир-то зовут Дато! Запомнили! Дато — настоящий богатырь. Он был начальником всего отряда и бригадиром одной из интернациональных бригад. Дато к испанцам относился как к детям. Или как к младшим братьям. Так сказать — не обидно будет для испанцев.

На третьи сутки погода была ослепительная, и уже пели грузинские песни. За сорок минут поездки на работу в автобусе, где поют грузинские песни, я могла бы отдать пять лет жизни. Так говорила потом Маша. И испанцы потом, уже в Москве, слушая эти ее слова, плакали, кивая.

Дато объяснял Эве:

— У нас, в Грузии, культ женщины.

— В СССР? — уточняла Эва.

— Конечно, у нас, в Грузии, и, может быть, где-нибудь еще. Женщина ведь то же, что земля: мать. От нее все мы произошли.

Эва сунула под нос Дато портативный диктофон. В Грузию она поехала с поручением от двух барселонских газет: собрать больше материала для репортажей об СССР и перестройке.

— Как ты относишься к перестройке? — спросила Эва.

— Строим, — сказал Дато. — Видишь? Что тебе рассказать?

Утром, когда во время позднего завтрака к испанцам подсели грузинские ребята, которые должны были вместе с испанцами составить маленькие строительные бригады, Маша загрустила, увидев различие между приезжими и «своими», нашими. Наши такие скованные, а испанцы такие раскованные! Наши пришли, сели и сидят. Сказали: сейчас поведем на работу. Молчат. Потом говорят: ну, хоть Расскажи-

те, кто вы. Хоть: женатые вы? Испанцы загалдели: нет, мы не женатые, нам нельзя никак до тридцати, денег нет, вот до тридцати будем стараться учиться или, кто закончил, работу искать. Самому младшему из испанцев было едва семнадцать, старшему — двадцать два.

— А у нас уже семьи, — сказал кто-то из местных.

Ладно, хоть немного поговорили.

Чавоводческий колхоз принял гостей из Испании. Встречал дорогих гостей сам председатель по имени Гиви. Потом перед гостями выступил прекрасный коллектив детишек с танцами и песнями. Гиви сказал в зале:

— Смотрите лучше: там танцует мой внук.

Вышли из зала. По улице шел мальчик.

— Знакомьтесь,— сказал Гиви.— Это мой внук.

— Хороший мальчик,— сказал Гиви внуку.

Спортивный зал колхоза напомнил советской части гостей зал «Дружба» в Лужниках. Дети играли в футбол. В воротах стоял внук Гиви.

— Очень хороший мальчик,— сказал председатель.

Потом пошли в детский сад.. Но дети уже легли спать.

— Ничего,— сказал Гиви,— идем дальше!

— А вот,— сказал Гиви,— студент второго курса института, тоже мой внук.

Студент слегка поклонился, стоя перед делегацией.

— Я буду еще лет двадцать,— сообщил Гиви,— ну а потом, наверное, студент вырастет, будет председателем.

Теперь предстоял визит в семью знатного... нет, не знатного, а самого обыкновенного колхозника. То есть сейчас мы пойдем в один заурядный дом. В заурядном доме гостей встретил стол. На прямо-таки золотом столе стояли: сыр разных сортов, в том числе молодой, разламывающийся как каравай, влажный, крупитчатый, адыхающий, пахнущий свежим творогом; зелень, в том числе молодой чеснок, и травка с фиолетовыми листочками, забыла, как называется, потом нинза, потом молодые овощи, орехи в больших глубоких плошках и орехи, специально приготовленные, сациви и лобио, шашлык и лаваш...

— Какое ужасное расточительство! — сказали испанцы.— Сколько еды даром останется! И ведь ее потом никуда не употребишь.

Ну, ничего. Зато самое великолепное было то, что за столом пели. (Стол же был огромный, гостей много.) Грузинское многоголосье ударило испанцев в самое их испанское сердце, навсегда поразило.

Сначала хозяева сновали с блюдами и кувшинами, а когда старцы вступили в песни, рой блюд на мгновение замер над столом.

Наутро за перекуром выпили ящик минеральной воды и бидон ключевой.

— Может ли у вас возникнуть национальная рознь? — спрашивала кто-то Эва.

— Что ты, у нас не может,— говорил ей кто-то в ухо диктофона.— У нас так много разных национальностей.

— Всю жизнь живем вместе,— дополнял кто-то от своего камня.

События в Нагорном Карабахе заставляли этих людей волноваться за искренность собственных слов.

...Удивительное имя у этой испанки: Эва, собственно, Ева, Баларт-Арменголь. Когда она получила от Союза коммунистической молодежи задание найти добровольцев для поездки в Грузию, она во всей Барселоне не знала лучшего кандидата-добровольца, чем она сама. Теперь Баларт-Арменголь сидела перед костром на камушке и, вытянув руку с диктофоном, смотрела в чужие родные глаза Дато.

Каждого в бригаде Эва допросила не один раз.

— То, что люди говорят правду,— это хорошая черта. А что еще ты увидела в нас? — спросила я.

— То, что вы перестали лгать,— сказала Эва.

— Ну, что ж... — сказала я.— Спасибо и на том.

— Я могу добавить, что мне также понравилось питание,— сказала Эва.

...А ночами забивались к кому-нибудь в гостиничный номер (богатой гостиницы для рабочих, где поселили всех) — и ну ругаться!

Заговорили об эмансипации, допустим. Гоша сказал:

— Советская женщина уже и не женщину толком не похожа. Она как каторжная тащит работу, мужа, детей.

Гоша сердился, маленькие очки трепетали на его милом добродушном лице, как серебристые бабочки-капустницы, предвестницы событий.

«Каторжная? — вслушалась Маша сквозь дрему.— Какая еще каторжная? Только что говорили о любви, и так очаровательно при этом пахли эти гвоздики, появляющиеся у нас каждое утро, поставленные неведомой рукой, как будто это сам Дато ставит их, Дато воплощение лучших черт грузинского народа».

— Каторжная — советская женщина! Мария, Мария! Хоть ты ответь ему,— затормошили Машу испанцы.

Маша очнулась. Она разом вспомнила, как сначала хотела стать бортпроводницей международных авиалиний и даже начала работать в Шереметьеве, как потом вдруг собралась замуж и будущее представилось ей как жизнь на пограничной заставе, и вот для чего она стала учиться на медсестру... потом она вспомнила раненого Орlando, Орlando, который всем в больнице кричал: привет, камарадо,— и за это его любили нянечки, сестры, врачи и больные.

— Знаете, девочки,— сказала Маша Эве и Консуэла,— я бы лет до тридцати хотела сделать все, что могу по общественной линии, а потом мне бы хотелось иметь семью и воспитывать детей.

Консуэла вскочила и убежала. Маша ее разыскала с трудом.

— Ненавижу Гошу,— сказала рыдающая Консуэла.— И ты хороша. Ты счастья своего не понимаешь.

— ...Она акальзает на фабрике и укладывает шпалы! — кричал Гоша, когда они вернулись, и все началось снова.

— Я с тобой, Гоша, не разговариваю,— заявила Консуэла.— Советская женщина самая счастливая женщина на свете! Она может работать, творить, она не зависит от мужчины! Пусть ваши мужчины работают по хозяйству дома!

И остальные тоже хоть не так пылко, но согласились: Консуэла права, а Гоше веры нет. Не может быть женщина, получившая равные права с мужчиной, несчастна. За что боролись?

— Вопрос заключается лишь в том, чем оборачиваются эти права,— тихо говорила Маша в общем шуме.

Все-таки разговора не получалось, потому что говорили вообще-то о разных вещах.

— Что тебе так и не удалось пока выяснить? — спросила я.

— Да все этот национальный вопрос! — воскликнула Эва.

Каждый человек имеет право на пунктик. Национальный вопрос в СССР был пунктиком Эвы, но не был выдуманной проблемой, идеей, взятой с потолка. Просто она хотела бы иметь настоящие доказательства. А кто не хотел бы иметь настоящие доказательства?

Работа шла своим чередом. Камни не уменьшались в размерах, но постепенно уменьшалось их количество. Носить камни и носить воду: прочь от дома и в дом,— вот дела на этой земле, где вода далеко от дома, а лавина может ворваться в дом, в час, когда спят, в час, когда спит малыш, спит мать.

Испанцы не спрашивали, что сделали лавины зимой. Так лучше. Не надо спрашивать, где болит.

— Эй ты, мачистка,— буркнула Консуэла наутро.

«Мачизм» — испанский термин, словечко, означающее такой порядок в доме, где на мужчину смотрят снизу вверх, а мужчина ходит гоголем. Лю-

бители кино таких гоголей встречали в ранних фильмах Феллини, знатоки литературы могли запомнить новеллу «Испанский му-щщи-на!» замечательного писателя Франсиско Умбрала — слово испанское, а употребимо повсюду, где женщинам изменяет чувство юмора в любви к Нему.

— Но я не хочу возвращаться к кастрюлям! — возмутилась Маша.— Я лишь хочу подняться на более высокий уровень!

В этот день поехали в Батуми, и хозяева водили по Батуми, причем можно было, сказали они, войти в любой дом и войти в любую хинкальную и угоститься и посидеть: весь город, казалось, ждал с ликованием, когда же, когда же испанцы захотят хинкали, когда же в них проснется жажда, и фиолетовый воздух этого города чуть-чуть трепетал, чуть-чуть рябило в глазах, как будто много прозрачных бабочек вылетело из душной парикмахерской, возмущив клиента, отведя занавеску на двери...

На стадионе шел матч Динамо (Батуми) — ЦСКА (Москва). Страшное дело было. По радио объявили, что на матче честь имеет присутствовать делегация из Испании, работающая на стройке в Махарадзе — в эту минуту по трибунам прошло трепетанье. А испанцы сорвались с мест и стали вопить: «Ди-на-мо! Ди-на-мо!» — озадачив спящую группу болельщиков ЦСКА, прибывших из Москвы с флагами, с молодыми глотками.

В последний день в одной из трех маленьких бригад (по два дома на каждую бригаду) раздалось испанское грузинское многоголосье. Пели «Чрело пепела» — «Бабочку». За несколько километров «Бабочку» услышал в своем кабинете первый секретарь, по-моему, райкома партии, приехал, подбежал, спросил:

— Кто здесь только что пел «Чрело пепела»? Спойте еще раз!

Он сел на землю, он слушал, обхватив колени, закинув голову, и камни земли окружили его, сбежались.

В последний день безжизненно пуста была площадь, тихо стояли перед микрофоном юные пионеры, держа строй... после митинга испанцы ушли в обнимку с друзьями.

Пожалуйста, ты не забудь мелодию. И я — пожалуйста, не забуду.

(Я позвонила Игорю Гаврилову и сказала: помнишь, ты приходил к нам и рассказывал, как ты был в Сванетии. Ты что-нибудь снял? Зимой ты приходил, рассказывал, что снимать было почти что невозможно, стыдно снимать горе, нельзя.)

— Снимал,— сказал Игорь Гаврилов, фотокорреспондент «Огонька».— Потом снимал. Конечно. Профессионал.

Он передал мне фотографии лавины в Сванетии, и теперь и вы смотрите на них, чтобы мелодия не показалась слишком простой.)

ТРАВА НА ПЕСКЕ

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ. Фото автора

Посреди пустыни насыпали холм. Не очень большой, средний. Зачем? Никто этого не знает. По слухам, холм стоил два миллиона долларов. Я решил, что вершина этой высоты — лучшая точка для того, чтобы запечатлеть мою временную обитель — бетонный карандаш отеля «Хилтон». Но, сделав первый же шаг на изумрудный газон, я провалился в него, ушел, как в болотную топь. С трудом выскочил на черный асфальт дороги.

На поверхности этого странного сооружения осталась рваная рана. Стоя на обочине шоссе, я рассматривал холм. Разум создал то, что создает обычно природа. Но разница заключалась лишь в том, что природа мастерит такие изумрудные холмы, предположим, в Швейцарии, а человек устроил его на краю Сахары. Сложное инженерное сооружение, насквозь пронизанное капиллярами, по которым постоянно сочится вода, подпитывая естественную траву под аравийским солнцем. Рядом находился самый большой в мире опреснитель морской воды.

Вдоль разбегающихся лучами идеальных шоссе серебрился вековой песок пустыни. Посредине шоссе цвели на зеленой травке цветы. Какова была цена этих цветов? Надо полагать, такие цены не снились и Центральному рынку в новогоднюю ночь.

Шоссе разбегались по Объединенным арабским эмиратам, чаще всего пишут ОАЭ — стране с самым высоким доходом на душу населения в мире.

В те дни, когда в Москве, в декабре, гадали, как низко может еще опуститься температура, в другой столице, где так же буйствовала зима, мы мечтали, чтобы днем не оказалось бы больше двадцати пяти. Чтобы можно было спокойно поиграть в теннис, искупаться в бассейне или в Персидском заливе, полежать без ожогов на пляже. Такая зима в Дубаи — столице одноименного арабского княжества, входящего вместе с еще шестью в ОАЭ. Зима здесь в полном смысле слова буйствовала, так как именно в январе и феврале раскрываются цветы и зеленеет трава. К апрелю все газоны и клумбы выгорают. Никакой искусственный полив уже не может спасти их от пятидесятиградусной жары. Человека спасает только искусственный холод, который гонят кондиционеры по обезлюдевшему городу, выросшему за последние пятнадцать-двадцать лет прямо в пустыне.

Единственная настоящая древность — сами арабские княжества. Безумно разбогатев в семидесятые годы на нефти, они теперь могут позволить себе ввозить все, что угодно, вывозят же нефть, запасы которой в обозримом будущем кажутся безграничными. Впрочем, кроме нефти, вывозить отсюда можно только песок — это все, что здесь есть в переизбытке. Вернее — это все, что здесь просто есть. Остальное — от пары кед и до «роллс-ройса» — привозят из раскинувшегося вокруг эмиратов мира.

Может быть, именно поэтому по улицам Дубаи идут индусы в тюрбанах, сидят на специальных кушетках правые мусульмане — почти белокожие арабы, а рядом расположились негритянские семьи. По набережной несутся в огромных машинах (маленьких в эмиратах нет)

европейцы, приехавшие сюда на заработки. Что-то вроде нашей вербовки на Север. Местного населения, пустынных кочевников-бедуинов, значительно меньше, чем всего этого мирового интернационала. Пуская всех к себе в гости, прописки, то есть гражданства, они никому не дают.

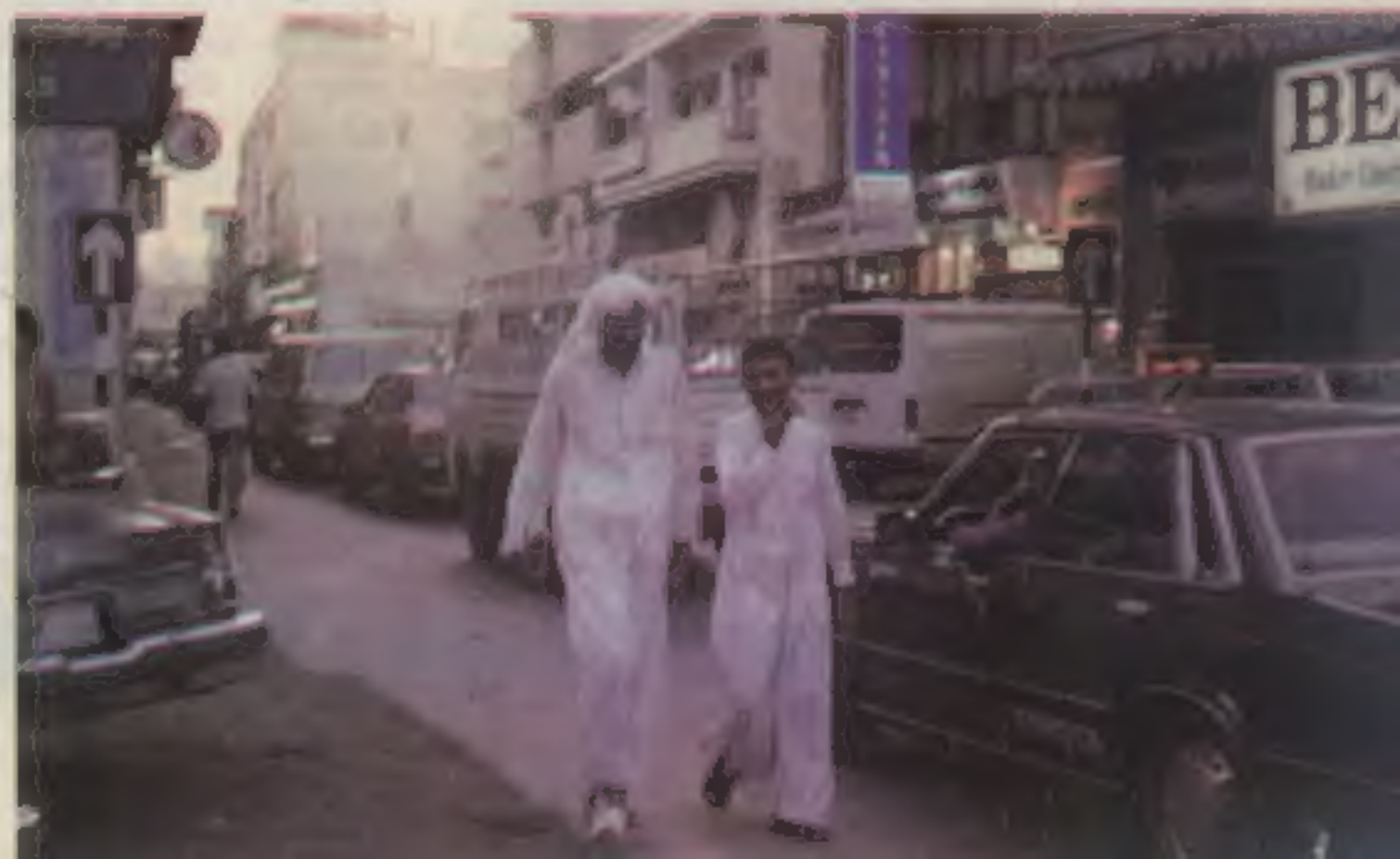
Потребительская цивилизация, захватившая эту песчаную обитель, многое изменила в людях, прежде видевших от рождения и до смерти только одно: если смотреть в сторону залива — ровный голубой горизонт; если в сторону пустыни — ровный, золотой. Теперь со стороны залива швартуются в самом большом в мире сухом доке супертанкеры, а со стороны пустыни стоят небоскребы. Белые мечети подсвечены бархатной ночью разноцветными прожекторами (фантазии Шехерезады на такое бы не хватило), голоса мулл, регулярно раздающиеся с минаретов, записаны на магнитофонную пленку (простит ли такое аллах?). Все перемешал ветер дальних стран — у ворот современной виллы ночует рядом с «Мерседесом-500» корова с телятником, а белые развевающиеся одежды носят даже европейцы — это модно в эмиратах.

Все перемешалось в этих семи городах в пустыне, где нет городского транспорта, каждый должен иметь свой автомобиль, где европейские офисы соседствуют с шумным восточным базаром, где лавки, торгующие золотом, так плотно уставлены образцами этого проклятого и благородного товара, что создается впечатление, будто стены выложены из него, где идут в кинотеатрах современные американские фильмы, сокращенные вполовину — цензура не допускает столько вольностей, которых глаз американца уже не замечает, рекламные плакаты наполовину заклеены черной бумагой. Здесь на улице спокойно может выйти из небоскреба и проследовать в «кадиллак» шейх. У него на белый буриус накинута черная прозрачная сетка с золотым шитьем. Но особо задерживаться возле шейха не рекомендуется — охрана моментально выхватывает пистолеты из прорезей балахонов.

Тут нет прежних, описанных путешественниками XIX века, пустынных рассветов и закатов. За небоскребами солнце исчезает моментально. Не изменился только старожил пустыни — верблюд.

Он участвует в скачках — это главное местное развлечение, бежит погоняемый мальчишкой-жокеем, бежит, может быть, так же быстро, как лошадь, а может, и быстрее, но никакого азарта и страсти скакуна вы в его беге не увидите. Он сохраняет важность в своей нелепой фигуре даже на бегу, а выражение его физиономии отсутствующе-философское...

...И когда я в Москве у водопроводного крана жду, чтобы прошла теплая вода, если надо набрать в стакан холодной, я сразу вспоминаю Дубаи, где все наоборот. Пропустить начало, когда вода еще охлаждена кондиционерами, работающими в отеле без остановки, — и в двух кранах окажется почти одинаковая горячая вода, пришедшая по трубам из огромного атомного опреснителя через раскаленные пески пустыни.

ЭЛЬДОРАДО В АДУ

Массимо ДИНИ,
итальянский журналист

Помощники постепенно вытягивают его на веревке. Слишком резкий рывок может ускорить декомпрессию и стать роковым для водолаза. На поверхности воды булькают пузырьки. Вот появляется рука, потом другая. Аквалангист цепляется за плот, как тонущий. Его резиновый костюм весь в грязи. Искривленное усталостью лицо.

Водолаз медленно вынимает загубник, снимает очки и свинцовый пояс. Это высокий, сильный человек. Большие черные усы выделяются на бледном, словно воск, лице. Он тяжело дышит. На губах появляется слабая улыбка. Выражение лица такое, будто он только что выбрался из кошмара. И это действительно так. Рио-Мадейра — приток Амазонки — похожа скорее не на реку, а на коричневое болото, в котором скапливаются песок и грязь.

Его зовут Антонио Жорже, он гаримпейро (охотник за золотом), ему тридцать пять, у него есть жена и двое детей, которых он оставил полгода назад в Манаусе. Каждый день он погружается на глубину тридцать-сорок метров и там, в темноте, часами блуждает в поисках золотиносной жилы, на которую ему нужно направить всасывающий шланг. Работа требует нечеловеческого напряжения. За несколько мгновений до того, как его затянет в илистую пучину реки, Антонио вводит в вену дозу кокаина.

Антонио трижды встречался со смертью. Однажды он застрял в корнях затонувшего дерева. В другой раз попал в западню песчаного туннеля, но самый опасный случай произошел, когда его напарник перерезал кислородный шланг. Случай не исключительный, наоборот, среди гаримпейрос почти правило: когда водолазу везет и он вставляет шланг в богатую жилу, помощник, находящийся в лодке, убивает его. Достаточно взять нож и обрезать тонкую трубку, соединенную с компрессором. А от этой трубки зависит жизнь водолаза там, в пучине грязи. Иногда тело даже не всплывает. Ил засасывает его навсегда.

Живи и не мешай умирать другим: это первая заповедь пионеров Рио-Мадейры. Чтобы попасть в их поселок, надо идти не один десяток километров по тропинке, проложенной в джунглях. Когда наконец густая растительность расступится, появится поселок Эмбауба, гаримпейрос прозвали его «Эльдорадо». Он похож на поселение первобытного человека. Тут спят в бараках, стены — из стволов и веток деревьев,

крыши — из сухих пальмовых листьев, дверей нет. Ходят босиком по грязи. Питаются только рыбой и консервами. У них нет ни времени, ни желания, чтобы побриться или вымыться.

Это место кишит москитами. Но здесь никто не обращает на них внимания, поэтому многие болеют малярией. Но болезненная бледность лиц имеет и другую причину — кокаин. Для гаримпейрос кокаин — временное спасение из ада. Но иногда кто-нибудь из них вводит избыточную дозу, тогда распахиваются врата небес, и возарата уже нет.

Единственные признаки цивилизации в поселке — грязный бар с сорванной с петель дверью, аптека на открытом воздухе и дантист-самоучка. В середине дня поселок почти пуст. Из транзистора доносятся обрывки музыки кантри-энд-вестерн. В Эмбауба действует закон сильнейшего. Любая ссора, независимо от повода, кончается перестрелкой. Победленного хоронят прямо в грязи, без креста. Здешняя жизнь напоминает фильм ужасов. Но даже в фильме ужасов кошмар под конец рассеивается. Здесь же нет. Полиция не осмеливается сюда заглядывать. Эмбауба, как и другие поселки вдоль Рио-Мадейры, считается «опасной зоной». Возможно, что кто-то из полицейских подкуплен, но большинство просто боится. Им не хочется рисковать жизнью.

На землечерпалках жизнь тоже тяжелая. Некоторые живут на них неделями. Шесть часов дежурства у машин, потом шесть часов отдыха в гамаке или на деревянном настиле. Время проходит под оглушительный грохот, в парах ртути, которую льют в ванночки с песком, чтобы выделить золото.

Но не все имеют возможность приобрести землечерпательную машину. Тогда они поступают так, как Антонио Жорже. Нырют в темноту и копают руками. Золото лежит между вторым и третьим слоем песка. Именно там водолаз устанавливает всасывающий шланг, не переставая надеяться на то, что, если он найдет хорошую жилу, его помощник не перекроет ему доступ кислорода.

Дно Рио-Мадейры устелено трупами мыральных. Существует масса возможностей погибнуть под водой: превышение дозы кокаина, слишком поспешный подъем на поверхность, удушье. «Но крокодилов не очень много, а пираньи нападают только тогда, когда чувствуют запах крови», — говорит Антонио Жорже с таким видом,

будто крокодилы и пираньи его товарищи по несчастью.

На Эльдорадо спускаются сумерки, тучи комаров летают во влажном воздухе Амазонии. Едва гаснет последний луч солнца, вдруг разражается тропический ливень. Для гаримпейрос это знак начала тропической зимы. Дождь будет идти с декабря по май. Уровень реки поднимется метров на тридцать, и вода поглотит поселок. С наступлением зимы гаримпейрос прерывают свою охоту за сокровищами. Большинство из них проведет зиму в ближайшем городке Порту-Велью.

Эдгар Кэйрос — пятидесятилетний человек с мягкими манерами. Ему не хватает только фартука на пояс, чтобы сойти за провинциального бакалейщи-

ка. Его лавка в Порту-Велью похожа на обычный магазинчик: прилавок, стол со старомодными весами, печь со стеклянной дверцей, а на видном месте для всеобщего обозрения вывешен диплом кавалера труда. Снаружи вывеска: «Скупка золота». Золотыми буквами.

Утро понедельника. Самый сумасшедший день. В лавке царит оживление, как на восточном базаре. На центральных улицах одна к другой теснятся лавок семьдесят. Но эта наиболее посещаемая старателями. И такой популярности есть объяснение: говорят, синьор Кэйрос никогда никого не надувал. А сам он хитро улыбается: «Да, дела идут хорошо: всегда больше зарабатываешь покупкой золота, нежели его продажей. Обычно я скупаю пять килограммов в день. Но сегодня день действительно особенный. Я уже приобрел 13 килограммов. А теперь извините, у меня много дел».

Гаримпейрос теснятся перед прилавком. Хозяин, нацепив на нос очки, спокойно кладет камни с золотыми прожилками на весы, потом передает их своему молчаливому помощнику, который на лопатке отправляет их в печь, чтобы отделить драгоценный металл от пустой породы. После этого зо-

ПОТОМУ ЧТО Я ВЕРЮ В СВОЕ ДЕЛО

Тина РОЗЕНБЕРГ,
американская журналистка

В актовом зале главного корпуса инженерного факультета Чилийского университета на кафедре стоит ничем внешне не примечательный человек в коричневой куртке. Он держится абсолютно спокойно перед тысячной толпой студентов, одетых в джинсы и свитера. «Сегодня мы будем драться на улицах», — говорит он невозмутимо.

Ничего себе начало для митинга всего через неделю после начала занятий! Он говорит не повышая голоса, но тем не менее студенты вокруг меня один за другим перестают разговаривать, вслушиваясь в слова этого человека с темно-русыми вьющимися волосами. И вот уже весь зал внимает его призывам к объединению раздробленных фракций и группировок внутри студенческого движения. Когда он заканчивает выступление, раздаются выкрики, над головами поднимаются сжатые кулаки.

Человека на кафедре зовут Гонсало Ровира, сейчас он, вероятно, наиболее известный молодой политический деятель в Чили. Зал вновь затихает: Кармен Глория Кинтана медленно пробирается сквозь толпу к кафедре. Ей 19 лет, еще недавно она была студенткой. Теперь она с трудом передвигается, ее спрятанные в длинные белые перчатки руки безжизненно висят вдоль тела. У нее осталось всего несколько зубов, она с трудом артикулирует звуки, лицо превратилось в застывшую маску, испещренную шрамами. На ее голубой свитер приколот значок с портретом юноши по имени Родриго Рохас.

Она стоит у микрофона и рассказывает историю, которую все присутствующие уже знают. В половине восьмого утра 2 июля 1986 года, в день общенациональной забастовки, она встретила с Родриго Рохасом — девятнадцатилетним чилийцем, недавно вернувшимся из США. Они прогуливались по району трущоб неподалеку от того места, где жила Кинтана, когда появился патруль. Убегать они не успели. Их облили бензином и подожгли. Рохас умер четыре дня спустя. Кинтану отправили в больницу. Тех солдат никто даже не пытался привлечь к ответу. Осужден был только лейтенант, командовавший патрулем, но и его сразу отпустили на свободу под смехотворный залог, равный примерно 25 долларам.

«Компаньерос, — шепчет девушка, — сколько еще страдать нашей молодежи?» Студенты аплодируют ей стоя. Кинтана пытается улыбнуться, но не может.

К собравшимся обращается Ровира. «Нет ничего более прекрасного в этом

мире, чем борьба за справедливость, борьба, которая не прекращается ни днем, ни ночью! — выкрикивает он. — Нас многое разъединяет, потому что ничто человеческое нам не чуждо. Однако все мы выйдем на улицы, чтобы бороться. Мы добьемся проведения демократических выборов и положим конец диктатуре. Нам не нужно Пиночета Второго и Пиночета Третьего».

С 1973 года Ровира практически непрерывно находится либо в подполье, либо в изгнании, либо в тюрьме, либо в концлагере. В 1985 году он провел четыре месяца на крошечном клочке земли, который со всех сторон был заминирован. На его руках следы от шипов колючей проволоки. Трижды он приговаривался к тюремному заключению. В сентябре 1986 года его предупредили, что на него готовится покушение, и он непрерывно менял квартиры, живя подчас у совершенно незнакомых людей. До этого его уже три раза пытались убить. В 1985 году его машина взорвалась на стоянке.

Преступление Ровиры состоит в том, что он коммунист, как примерно пятнадцать процентов чилийцев. В 1972 году, когда ему было всего одиннадцать лет, он раздавал продовольствие в чилийских трущобах, чтобы сорвать забастовку водителей грузовиков, которая была объявлена с целью парализовать социалистическое правительство Сальвадора Альенде. Через сутки после переворота солдаты арестовали отца Ровиры — вице-президента университета, в котором было сильно левое влияние. Когда его освободили, семья покинула Чили. Они жили во Франции, ГДР, ФРГ. В 1979 году Ровира вернулся на родину. Он начал изучать курс литературы в Чилийском университете, одновременно пытаясь возродить студенческое движение, которое после переворота было задавлено. Во время моей последней встречи с ним он сказал, что его родители тоже собираются вернуться. Они не виделись десять лет.

Чилийская молодежь находится в самой гуще борьбы. Студенческие группы не плетутся в хвосте оппозиции. Они ее ударная сила. У студентов всегда достаточно злости, энергии, смелости, чтобы протестовать. И в то же время студенческое движение охвачено удручающими междоусобицами в той же мере, что и вся оппозиция. Оно гораздо в большей степени, чем другие общественные слои в Чили, страдает от сокращения расходов на социальные нужды, от террора властей.

Тринадцать лет и семь месяцев

спустя после переворота, 3 апреля 1987 года, «Эстадио насьональ» стал местом торжества, где играла музыка, пока трибуны заполнялись людьми, пришедшими послушать выступление папы.

Стадион, вмещающий сто тысяч человек, забит до отказа, но найти группу Ровиры оказалось нетрудно. Они сидят под огромным лозунгом, на котором черными и красными буквами написано: «Пиночет — убийца!» Позади еще одна группа студентов с национальным флагом, и поперек полотнища — «Свобода!». «На этом стадионе пытались!» — скандируют они и поют песни с пластинки, выпущенной специально к приезду папы. «Я надеюсь, что Пиночета не станет», — поется в одной из них. Настроение приподнятое. Где-то на противоположной трибуне начинают скандировать: «Тот, кто не прыгает, — Пиночет», и скоро все уже подпрыгивают, а стадион сотрясается, как при землетрясении.

Чилийская оппозиция возлагала

большие надежды на проповедь папы: если папа вообще собирается осудить Пиночета (а говорили, что по пути сюда в самолете он назвал его «диктатором»), то он сделает это здесь. Однако проповедь папы призвала к долготерпению.

Терпение действительно необходимо чилийцам. Чилийские университеты тоже стали жертвами пиноче-

студенческих лидеров. Двенадцать студентов были убиты на территории университетского городка за последние три года, а если сосчитать убитых по всему городу, цифра возрастет до пятидесяти. Во время моего пребывания в Чили кто-то нацарапал на заборах угрозу убить Кристиана Берриоса — студенческого лидера университета Сантьяго. Думаю, Берриосу ничего не останется, как принять эту угрозу всерьез. В августе прошлого года его предшественник Марио Мартинес исчез. Через четыре дня его тело выбросил на берег океанский прибой.

В университетском мире Чили не отрешаются от реальности, а ежедневно противостоят ей. Студенческая политика здесь — это и общенациональная политика. Студенческое движение стало первой организованной оппозиционной силой, оформившейся после переворота и начавшей действовать уже в 1976—1977 годах. «Всякий, кто скажет тебе, что он не бонтается, — лжец, — говорил мне Ровира. — Нам всем страшно, но мы учимся жить с этим страхом. Сами не знаем как, но учимся». Я спросила, чего он боится больше всего. Он долго думал, а потом ответил: «Умереть, и чтобы моя дочь не знала, почему». Тогда я спросила, почему он живет именно так. «Потому что я верю в свое дело», — ответил он.

За пять дней до приезда папы я отправляюсь с Ровирой, его друзьями и еще примерно 200 студентами на демонстрацию, маршрут которой пролегает от католического университета к запруженной народом Аламеде — главной улице Сантьяго.

Студенты идут, напевая «Оду к радости» Бетховена. Кто-то запевает было «И он падет!», но остальные студенты утихомиривают его, несмотря на то, что это политическая демонстрация, а не религиозное шествие. Перед участниками марша выступает Кристиан Берриос. «Наша молодежь встретит папу с болью и печалью, — говорит он, — потому что в Чили для нас нет справедливости». Ему аплодируют. По дороге в толпу демонстрантов вливаются все новые и новые группы юношей и девушек.

Через двадцать минут мы останавливаемся у здания национальной библиотеки в центре города. Пока мы стоим на ступеньках, появляются трое карabinеров: двое с гранатами со слезоточивым газом, один — с автоматом «кузи» наперевес. Они останавливаются на тротуаре и разглядывают студентов. «Я так и знал, что без них не обойдется», — замечает Ровира.

Студенты стоят перед карabinерами, подняв руки вверх, словно сдаваясь в плен, и поют «Оду к радости» все громче и громче. Ровира стоит в толпе, скрестив руки. Он не поет, а усмехается чему-то. У карabinера с автоматом на лице явно виден страх. Пот стекает за воротник защитного цвета рубашки. Внезапно один из сол-

дат размахивается и швыряет гранату с газом в толпу.

Я чувствую, словно кто-то засыпал мне перцем рот и глаза, и бегу, жадно глотая воздух. Рядом со мной падает в обморок женщина. В течение нескольких секунд толпа рассеивается. Ничего необычного в этом нет. Так заканчивается любая демонстрация в Чили. Но в памяти у меня остаются мгновения перед тем, как была брошена бомба: лицо карabinера, искаженное страхом, и бесстрашная улыбка Ровиры.

Перевел с английского
К. МОИШЕВ

Сейчас, когда публикуется этот очерк, редакции «Ровесника» неизвестно, на свободе или снова в заключении его герой Гонсало Ровира. Тюрьмы, пытки, смерть — повседневная реальность для многих и многих чилийцев. Читатель, «Ровесник» предлагает вам принять участие в международной кампании солидарности с политическими заключенными в Чили.

При ЦК ВЛКСМ существует Всесоюзный координационно-информационный совет (ВКИС) интердвижения. Организация кампании солидарности с борьбой чилийского народа — одна из его задач. Совет интердвижения предлагает «напомнить» Пиночету, что эти политзаключенные не одиноки. Вот адрес Пиночета: General Augusto Pinochet Ugarte. Palacio La Moneda, Santiago, Chile.

С другой стороны, есть возможность оказать моральную поддержку конкретным людям. Среди имеющихся в распоряжении ВКИС интердвижения документов есть список политзаключенных. К нему прилагается список лиц (в основном родственников), на чей адрес можно посылать письма. За этой информацией обращайтесь по адресу: 117279, Москва, улица Генерала Антонова, дом 6, квартира 144, Ульяновой Ольге.

Письма солидарности можно отправлять по адресам: Vicaria de Solidaridad. Casilla 26-D, Santiago, Chile (Викариат солидарности католической церкви).

Comision Chilena de Derechos Humanos Huerfanos 1805, Santiago, Chile (Чилийская комиссия по правам человека).

Comite Nacional de Presos Politicos, Alameda 1584, Santiago, Chile (Национальный комитет политических заключенных).

Письма протеста отправлять: Rafael Retamal, Presidente de la Corte Suprema. Plaza Montt Varas, Santiago, Chile (верховный судья Чили Рафаэль Ретамаль).

Commission des droits de l'Homme. Palais des Nations, Genève, Suisse (Комиссия ООН по правам человека).

Relator Especial sobre Chile, Fernando Volio Jimenez. 572 San Pedro Montes de Oca, San Jose, Costa Rica (наблюдатель ООН за соблюдением прав человека в Чили).

Sr. Ricardo Garcia, Ministro del Interior. Palacio de la Moneda, Santiago, Chile (министр внутренних дел Рикардо Гарсия).

Corte Militar. Ministerio de Defensa, Santiago, Chile (Военный трибунал).

Итак: письма посылать не в Москву, а непосредственно в Чили!

О любых акциях солидарности с борьбой чилийского народа вы можете информировать программу Московского радио «Слушай, Чили!» по телефону: 233-68-82, 233-65-35.

Дополнительную информацию вы можете получить по телефону 134-90-97 от Ольги Карраско (бригада «Мануэль Родригес»).

товской стратегии, их стараются удешевить, таким образом ликвидировав «рассадники крамолы»: прежде многие студенты были из бедных кварталов. При Альенде образование стало бесплатным. Теперь месяц обучения в Чилийском университете обходится в 80 долларов — по американским понятиям сумма небольшая, а в Чили это больше половины среднего ежемесячного дохода семьи. Формально существует система ссуд на получение образования, но сами студенты говорили мне, что нуждающиеся их не получают.

Для чилийской молодежи сегодняшний день зыбок — почти половина молодых людей не имеет настоящей работы, а будущее не внушает никаких надежд. В тупости понятие об общественном порядке постепенно совершенно утратилось. Молодежь перестает ощущать себя частью общества.

Порой кажется, что только университетская молодежь еще не потеряла надежды. Отсюда и преследования

БЕЛАЯ АФРИКА

Сандра Лейнг родилась в 1956 году в роддоме для белых города Амурсфорт в провинции Трансвааль. Ее родители, всеми уважаемая супружеская чета белых, крестили девочку в кальвинистской церкви для африканеров. Сандра провела счастливое детство на севере Трансвааля и пошла в начальную школу для белых. Все обошлось, когда ей исполнилось восемь лет. Отца официально поставили в известность, что его дочь вызывает подозрения смуглым цветом кожи и вьющимися волосами. В феврале 1966 года десятилетняя Сандра была «переклассифицирована», названа цветной и тут же исключена из школы. Девочка была доставлена домой в сопровождении двух полицейских.

Отец, имея все права белого, обратился в суд и восемнадцать месяцев спустя добился того, что его дочь вновь стала «белой». Однако ее пришлось отдать в частную школу, чтобы избежать от притеснений... Драма Сандры Лейнг в 60-е годы широко обсуждалась в прессе ЮАР и других стран. По иронии судьбы, позже Сандра Лейнг вышла замуж за... африканца!

История ЮАР насчитывает несметное количество подобных драм, происходящих под знаком борьбы за «расовую чистоту». Человеку, живущему не в ЮАР, трудно представить, до какой степени цвет кожи определяет место в жизни. В конце семидесятых годов белая жительница богатого квартала Кейптауна Рита Хёфлинг убедилась в этом на собственном горьком опыте. Назначенное ей лечение вызвало потемнение кожи. Ее стали принимать за цветную. Муж и сын покинули ее, «будто я прокаженная», — говорила она; ей запретили садиться в автобус «для белых», в ресторанах ее отказывались обслуживать... «Я узнала худшие стороны апартеида», — заявила Рита Хёфлинг журналистам. Судьба этой женщины представляет собой осуществление тайной мечты многих чернокожих: увидеть, как белый человек пересечет расовый барьер и поймет...

С самого начала своего правления африканеры воплощали в жизнь незыбчивую идею разделения и классификации людей. Одним из первых законов, остающимся и по сей день фундаментом апартеида, был «Закон о регистрации населения», изданный в 1950 году. Он предписывал пропустить всех южноафриканцев через «расовый фильтр». Были определены три категории: «белый», «метис» и «туземец» (этот термин был заменен впоследствии на «банту», затем на «черный»). Позже в особую группу были выделены индейцы. Метисы и африканцы также подверглись подробной

классификации. В случае брака представителей разных этнических групп детей установили причислять к группе отца... Для определения «белого» тест очень прост: «А) тот, у кого белая кожа и кто не считается цветным; Б) тот, кто обычно считается белым и не выглядит небелым». Расовый код человека (00 для белых, 01 для метисов... 05 для индийцев и т. д.) является составной частью номера удостоверения личности каждого южноафриканца...

Ежегодно министерство внутренних дел ЮАР публикует статистику, приводящую нормального человека в недоумение. Речь идет об «изменениях расы»... Восемь метисов стали «китайцами», девять китайцев отныне принадлежат к категории «белых», пятнадцать индийцев превратились в «малайцев», семьдесят один африканец стали «метисами», трое белых стали «индийцами». Но самыми счастливыми оказались четыреста шестьдесят два метиса, которые могут отныне пользоваться привилегией быть «белыми»! Большая часть изменений происходит по просьбе заинтересованных лиц, которые должны доказать, что они не те, кем их считают. (Рассказывают, что раньше существовал «тест расчески»: если расческа свободно скользит в волосах — вы белый, если застревает — вы цветной...) Критерии классификации основываются главным образом на внешнем виде: форма носа, толщина губ, ногти.

Когда население страны было таким образом разделено, правительство смогло усилить «герметичность» групп с тем, чтобы помешать их смешению. И вот появились два пресловутых закона об «аморальности». Они запре-

Пьер АСКИ,
французский журналист

щали «смешанную любовь». С 1950 года более 10 тысяч человек были подвергнуты преследованиям за то, что преступили этот запрет. Аресты обычно были показательными. Полицейские врываются в комнату, где находились нарушители, и фотографировали их. Им грозило семь лет тюрьмы. В 1985 году абсурдный закон об «аморальности» был отменен, к великому разочарованию крайних правых. «Отмените «Закон об аморальности», — говорили они, — и черные потребуют еще чего-нибудь большего». Действительно, не имеет никакого смысла разрешать браки между белыми и черными, если они не могут жить в одном квартале, если из дети должны ходить в школу для цветных и т. д. Именно это и случилось с первыми парами, которые воспользовались новым положением. «Смешанные» пары попали в замкнутый круг законов апартеида. В Виллерсдорпе метиске, жене белого Пьера Акермана, разрешили пребывание в доме только в течение трех месяцев, «чтобы дать возможность найти другое жилье, так как согласно «Закону о районах расселения групп» от 1966 года вы не имеете права проживать в зоне для белых». Еще до отмены этих законов многие «смешанные» пары обходили препятствия, записывая одного из супругов как «прислугу».

Мания «расовой чистоты» имеет свои комические стороны: оказалось, что в венах самых ярых защитников апартеида течет «черная» кровь! На эту тему в ЮАР были опубликованы многочисленные научные исследования. Так, ученый-африканер Ганс Хиз, основываясь на изучении зарегистрированных в XVII—XVIII веках межрасовых браков, утверждает, что в стране не существует стопроцентных «белых». В его работе приведены имена, среди которых можно найти и П. Боту, главу ЮАР. Последний хотя и выдвинул решительные опровержения, но не согласился подвергнуть свою кровь исследованию. Другой руководитель крайних правых, Луи Стофберф, ответил более грубо: «Я бы хотел посмотреть на того мерзавца, который найдет в моей семье хоть каплю цветной крови! Я восстановил свое генеалогическое дерево до 1650 года». А что было до 1650-го?

Разделение на группы по расовому признаку продвигалось вперед. Триумфом и символом этого продвижения стал квартал на западе Йоханнесбурга. Он состоит из кокетливых вилл, принадлежащих белым. Мало кто из обитателей квартала знает его историю.

Он был основан в 1905 году и раньше назывался Софиатаун. Это был оживленный пригород, населенный в основном африканцами, метисами и индийцами.

Софиатаун был одной из старейших городских общин черных, одной из тех редких общин в зоне проживания белых, где самые состоятельные могли бы купить землю. Условия жизни там были плохими, дома перенаселены, но Софиатаун — «это не трущобы, и никогда ими не были», — настаивает Тревор Хаддлестон, священник, борец против апартеида. Старые африканцы говорят о нем сегодня с волнением, как об обязательном этапе развития всех черных талантов ЮАР. Боб Хичкок, журналист из Йоханнесбурга, вспоминает о нем как об «островке здравого смысла, где белые и черные вместе слушали хороший джаз и вместе посещали доступные для всех кабаки». Главное, подчеркивает преподаватель университета Том Лодж, состояло в том, что Софиатаун «был не сданной внаем территорией, а обычным пригородом». Этот квартал был похож на многие другие. В нем были свои церкви, кинотеатры, магазины... Он не был городом-казармой с выстроенными в ряд клетками, находящимися под руководством белого администратора.

В 1950 году националистическое африканерское правительство приняло «Закон о районах расселения групп», который провозгласил, что отныне все города ЮАР будут организованы по одной схеме: каждая группа населения будет жить в своем районе, никакого смешения, что позволит, как предписывала программа Националистической партии, «сохранить «белый облик» городов».

В середине января 1955 года сто пятьдесят две семьи Софиатауна получили приказ в течение месяца поки-

нуть город. Им предписывалось переехать в Мидоулендс, незанятую зону в отдалении от «белого» города, приблизительно в 20 километрах на юго-запад от Йоханнесбурга. Там они должны были соединиться с обитателями первого африканского гетто Орландо, основанного в 1930 году. Эти люди и стали первыми жителями Соуэто, самого большого города ЮАР. Название города образовано из первых букв административного обозначения, которое можно перевести как «Юго-западные пригороды». Но 60 тысяч жителей Софиатауна отозвались на предстоящее переселение протестами. Чтобы вывезти первые семьи, было вызвано две тысячи полицейских...

Воссоздавая историю Соуэто на свой лад, официальная пропагандистская брошюра указывает, что «город был создан для решения проблемы перенаселения, нищеты и деградации». Такое же объяснение дают туристам, которых в спокойные времена привозят посмотреть наиболее благополучные районы города, где убогие кирпичные домики, окруженные малюсеньким садом, выстроились в одну линию насколько хватает глаз.

В любом случае действительности далеко до официальных описаний. «Соуэто — чудовище, уродливый нарост на политическом теле страны. Соуэто не должен был существовать» — это слова доктора Мотлана, который вместе с другими руководителями общины представил в 1977 году властям проект муниципального правления. Мотлан был осужден за свою деятельность на шесть месяцев тюрьмы. Трудно представить, как можно управлять этим городом, где нет промышленности, отсутствуют торговые центры; город, как и другие ему подобные гетто, не имеет доходов. Малейшее увеличение платы за жилье вызывает вол-

нения среди его обитателей. По мнению доктора Мотлана, ответственность за происходящее лежит на правительстве: «Вы отодвинули Соуэто на 20 километров от города для своего удобства. Это ваша детище!»

Город-казарма, население которого составляет по меньшей мере 1,5 миллиона человек, страдает всеми недугами гетто. Перенаселение, теснота, безработица, преступность... Каждые шесть часов там совершается преступление, каждые восемь часов — изнасилование. Это один из наиболее страшных городов мира, печально знаменитый своим хулиганством и «войнами гангстеров». В белой прессе часто говорится об этом. «Уровень преступности в Соуэто такой, что по сравнению с ним улицы Нью-Йорка кажутся детским садом», — писала либеральная газета «Рэйд дейли мэйл» в 1980 году. Один африканский социолог заметил: «Возьмите миллион европейцев и поместите их в такие же условия непрекращающейся нищеты, отсутствия образования, безработицы, и вы получите тот же уровень преступности. Но только преступники и жертвы будут белыми». Пока же в зону для африканцев без специального разрешения «входить запрещается».

Законы ЮАР отличаются беспощадной точностью. В них предусмотрено решительно все, вплоть до табличек в общественных местах.

«Мелочный» апартеид, называемый так для противопоставления апартеиду «действительному», кое-где отступает. Но, несмотря на это, матис Виван Соломон, ведущий «небелого» канала южноафриканского телевидения, умер в 1984 году после автокатастрофы, так как долго не могли решить, в какую больницу, «белую» или «черную», его уместно отвезти.

В апреле 1983 года на премьеру фильма «Ганди» пускали только белых, что вызвало негодование режиссера фильма. Разрешить всеобщий доступ на демонстрацию фильма «Ганди» значило бы «повергнуть страну в хаос», — заявил премьер-министр. Только спустя два года правительство разрешило некоторым кинотеатрам стать «много-расовыми»...

В то время как белая пресса преподносит каждый отмененный или ослабленный закон о дискриминации великим достижением, черное большинство реагирует по-иному. Его не восхищает приобретение тех прав, которые никогда не должны были быть потеряны. «В течение многих лет, — подчеркивает южноафриканский писатель Сифо Сепамла, — нас не пускали в города. Сегодня из экономических соображений, мол, «деньги не имеют цвета», города открыли для черных. Но тех, кто пойдет туда, будет немного. Причиной тому — психологический барьер. До полной независимости люди не пойдут в города. Раны апартеида не зарубцевались».

Перевела с французского
В. СТАРОВОЙТОВА

БЕЗ КАРТЫ

Ночь в Чатокуа без преступников и маньяков. Медленно — медленно идут собеседники, автомобиль набит смеющимися подростками, Игорь и я гуляем с Чарли, люди, которые нам встречаются, кивают и улыбаются — ощущение провинциальной неспешности жизни, в которой есть вечность. Пастораль? Пасторально улыбающиеся старики, розовые детки, викторианские дома-долгожители. Тут живет воплощенная Американская мечта. Ради нее прожита жизнь.

Такой смысл жизни меня не устроит, но не хочу разубеждать стариков. Наоборот, мне нравится, что они не разучились улыбаться и крепко жать руку. Да, пастораль. Но разве плохо немного светлой краски в этой невеселой картине действительности?

Ужин в семейном кругу — разговор: что видели? Какие впечатления? Ах, Нью-Йорк... Пегги и Энди не любят Нью-Йорк: «Мы там почти не бываем... самый нетипичный город Америки... сумасшедший город». Мне приходит в голову аналогия: в поэзии ключ к загадке стихотворения всегда в самом странном сочетании, в чем-то, еще не ставшем клише, необыкновенная метафора вдруг открывает путь к пониманию глубинного смысла, невидимого прежде за привычным, общепринятым и обыденным. Возможно, как нетипичный тихий город Чатокуа, так и нетипичный шумный Нью-Йорк, стоящие на разных полюсах, — тоже ключи к пониманию американской действительности.

Нью-Йорк. Внешне базалаберный и бесшабашный, а по сути — деловой и одновременно (удивительно!) очень одушевленный. Стиль, несмотря на напряжение, нервозность и даже угрозу, затаившиеся в наэлектризованном воздухе, остается свободным и элегантным. Нью-Йорк казался неряшливым и все-таки, да, элегантным: он похож на фронта, который уселся прямо на тротуар.

Говорят, от первого впечатления зависит все дальнейшее восприятие. Что было первым? Раскаленный нью-йоркский воздух. Несколько секунд достаточно, чтобы расплавиться как мороженое. Но огромный с никелированными боками автобус — вау! — холодильник, даже мурашки побежали. Американский «кондишн»? Автобус выезжает со стоянки аэропорта.

Куинс, Бруклин — кирпичные некрашенные дома в несколько этажей со

ржавыми пожарными лестницами и грязными стеклами. Стоянки блестящих автобусов, склады, облезлый щит с рекламой «Мальборо», редкие прохожие в майках и шортах, мусор на тротуарах, автобус обгоняют битые потрепанные автомобили, набитые черными, вальяжно развалившимися на сиденьях. Воскресенье. «Стопроцентные» американцы не в Нью-Йорке — за городом, в своих домах.

Ист-Ривер. На той стороне Манхэттан, вон — небоскребы! Туннель под водой. Вот-вот откроется нечто удивительное — настоящая Америка... Автобус отражается в стеклах-зеркалах, мы прилипли к стеклам автобуса и задираем головы, но интереснее жизнь внизу, под небоскребами, где по замусоренному тротуару расхаживают гордые люди в майках.

Наутро Нью-Йорк будет свеж и прилизан, как образцовый служащий, отправляющийся на работу. Будет понедельник. Я выйду из отеля в джинсах и безрукавке — вокруг будут люди в безупречных костюмах на чистых мостовых. Вдоль улицы будут лежать огромные черные полиэтиленовые пакеты с мусором. Но я запомню Нью-Йорк, каким я его увидел в воскресенье.

Окно гостиничного номера смотрит на серую стену, ниже — парадный вход с колоннами, огромный американский флаг, краской на стеклах: «For sale» («На продажу») — прогорел кто-то. В другом окне — голая кирпичная стена, двор, словно яма, заваленный мусором.

Расхаживая по Нью-Йорку, я думал: это обман зрения, я не вижу главного. Возможно, я не прав, разглядывая действительность, словно умный роман, где главное всегда за строкой? Но так удивляют несоответствия между тем, что я вижу, и тем, что знаю.

Мы гуляем по Манхэттану. На карте Манхэттан словно простая задачка по геометрии о равнобедренных прямоугольниках: авеню перпендикулярно пересекают улицы, авеню и улицы — по порядку, по номерам: 1, 2, 3... (Бродвей — исключение). И все-таки мы теряемся тут, мы чувствуем себя чужими — отряд в костюмах и галстуках среди разрозненной толпы в шортах и майках. Мы жмемся друг к другу, стараемся избежать бед, которые приготовил для нас город, не вступаем с ним в контакт, опасаясь спровоцировать дьявола, который все время наблюдает за нами. Мы нейтральны, видите, не обращайте на нас внимания. Никто и не обращает.

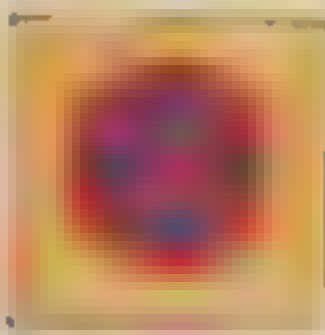
Редкие автомобили, длинноногие подростки на роликах, велосипедисты

Владимир СИМОНОВ,

наш спецкор.

в пропотевших майках присели на асфальте у красивой витрины, на другой витрине, пустой, только объявление: «For sale», словно лужи с красным вечерним солнцем среди прокопченных кирпичных стен — стекла небоскребов, — мы идем по Бродвею.

Бездомные тоже гуляют по Бродвею и Пятой авеню, но чаще просто сидят. Их сразу узнаешь — даже не по одежде и не по большому бумажному или целлофановому бесформенному пакету — они всегда в одиночестве, никогда никуда не торопятся, но, главное, у них другое лицо — словно отрешенная луна над копошащейся жизнью, мертвое, бессмысленное лицо. Они вне действительности — затерянные островки в океане движения.

Стою и слушаю, что орет в микрофон человек в поношенном костюме. Оказывается, о Христе, о любви и ближнему — значит, священник. Я замечаю, что отстал от группы и в мою сторону идут трое черных, надвигаются — ай!.. Один из них вежливо просит сигарету. Зря испугался: и здесь как у нас — стреляют...

...Где мы? Индийская музыка, женщины в сари, мужчины в сюртучках и белых, похожих на кальсоны, брюках, танцоры смуглых мальчишек, танцовщицы в шароварах, женщина в пестром сари поет в микрофон, продавцы с огромными радужными висящими в воздухе горами шаров из яркой фольги, десятки жаровен, пряные запахи: у нью-йоркских индейцев — индийский национальный праздник, здесь, на площади, примыкающей к Бродвею, а рядом — Пятая авеню.

На Вашингтон-сквер черные мальчишки «танцуют» на велосипедах брейк, молодая белая женщина в мокром платье сидит, опустив ноги в воду фонтана, где купаются ее малыши, черный богатырь разговаривает с белой девушкой, показывает ей белку, которую достал из-за пазухи, девушка берет ее в руки и отпускает в траву — тут много белок, они тут живут и никого не боятся; вокруг черного комика хохочет толпа, белый юноша в стороне отрешенно перебирает струны на гитаре, шагах в двадцати ямайцы играют «реггей» и собравшиеся вокруг хлопают в такт, совсем рядом черный квартет, экспромтом раскладывая голоса, поет «спиричуэлс», им аплодируют, бегают мальчишки, прохаживаются полицейские — и мы, как в музее, плотной группой переходим от одних к другим, никто не обращает на нас внимания.

Спускаемся в «сабвей», самое преступное место в Нью-Йорке. Тут жарко и душно, голый бетон, черные просмоленные кабели, лишь графити и рекламный плакат шампуня оживляют интерьер.

По платформе в огромных металлических касках, в широких робах и ботинках сапогах топают пожарники и исчезают в туннеле. Поезда не будет. Рядом пожар. Здесь такое часто. Люди спокойно идут на пересадку.

Другая станция ничем не отличается от первой, но вагоны, оказывается, чистые до блеска и прохладные. Все кругом читают. Наше метро «самое читающее»? Возможно, что «самое» — читающее, несмотря на давку.

Несколько пролетов ступенек вверх — и мы в Гонконге? Таиланде? Китае? Чайна-таун (китайский город), квартал, что расположен рядом с Литл Итали (Маленькая Италия), тоже кварталом Манхэттана. Пагоды, бумажные фонарики, гирлянды, восточные песни, на булыжнике улицы разложены восточные товары, восточная кухня и столы прямо на тротуаре, узкоглазый мальчишка запускает заводную жар-птицу, она самостоятельно порхает среди разноцветных огней и садится на землю у ног мальчишки. Тут все восточное — все для восточных людей. Экзотика? Для них — родина.

Воскресенье. Много-много влюбленных пар. У них прекрасные лица. Острый запах кухни всюду, жаркий запах кислого соуса, пряностей и оливкового масла, словно и сам ты — овощ на раскаленной сковородке асфальта; люди на скамейках, старые кирпичные стены домов... город одушевленный. Мне казалось, об этом городе я много знаю, но тут набор фактов рассыпается, теряет смысл.

В «доминиканском квартале» мне стало страшно: облезлые стены, выбитые стекла, пьяные латиноамериканцы. «Здесь не опасно!» — спросил я Сета.

«Это не Гарлем», — сказал Сет. Кстати, Гарлема мы так и не видели. Не смешно ли? Ведь мы за права черных в США, а нам говорят: «Гарлем, возможно, самый антисоветский район Нью-Йорка».

Тут кругом бегали дети в бедных одежках, целый детский сад визжал и плескался в брызгах кем-то открытого гидранта, за столом сидели мужчины и играли в карты.

Мы, тридцать человек, втиснулись в несколько комнат, где живут простые старые люди, муж и жена, журналисты, сотрудничающие в маленьких малотиражных изданиях, я не встретил ни одного из них в киосках Нью-Йорка. Привычный «кондишн» отсутствовал, было душно, хотелось пить. Помимо нас, еще несколько десятков американских журналистов находились тут же,

на стр. 18 ►

D

DIXON, WILLIE. Вилли Диксон родился 1 июля 1915 г. на юге США.

В 1937 г. его семья переехала в Чикаго, и спустя год В. Д. стал чемпионом города по боксу среди юниоров. Вскоре он увлекся музыкой и поступил в Чикагскую консерваторию на отделение контрабаса: пристрастие В. Д. к своему рода «блуждающим» басовым партиям впоследствии определило гармонический рисунок городского блюза, в самого В. Д. стали называть связующим звеном между блюзом и рок-н-роллом.

К началу 50-х В. Д. был уже сложившимся композитором, но как исполнитель он не преуспел: за более чем сорокалетнюю карьеру В. Д. записал около 50 пл., среди которых можно выделить не более двух.

Исполнительское мастерство В. Д. привлекало — и продолжает привлекать — самых различных музыкантов: начиная с первой половины 60-х он регулярно записывается и гастролирует с такими известнейшими людьми, как Чак Берри, Бо Диддли, Рэй Чарльз и др. В. Д. аранжирует композиции этих музыкантов, пишет музыку на заказ — достаточно сказать, что в разное время композиции В. Д. становились «золотым фондом» в репертуаре таких групп, как «Роллинг стоунз», «Дорз», «Лед зеппелин», «Назарет», «Статус кво» и многих других. Несмотря на преклонный возраст, творческая активность В. Д. не снижается, и в лице этого композитора блюз имеет очень солидную поддержку.

Отдельные пл.: Willie Dixon, 1973; I Am the Blues, 1975; Like Sin, 1979.

«DOKKEN» («Доукен»), группа образовалась в 1980 г. в США.

Исходный состав: Дон Доккен, вокал; Хуан Гросье, бас, вокал; Джордж Линч, гит.; Мик Браун, уд., вокал.

Одна из многих амер. групп, взявших за основу хард-рок западногерманского образца, а точнее — музыкальную концепцию группы «Скорпионс»: сознательный контраст между выраженной динамикой композиций (независимо от того, исполняется ли баллада или рок-н-ролл) и лирическим вокалом, а мелодический рисунок дает критикам все основания называть подобные группы «романтиками» хард-рока.

Первая пл. «Разрытая оковы», 1981, была записана при содействии Питера Баятеса, музыканта из группы «Аксепт» (см. «РЭР» № 7/87) — эта работа имела успех прежде всего в ФРГ, куда «Д.» отправлялись с гастролями и выступали на одних площадках со «Скорпионс».

Последующие пл. были выполнены в той же манере, но песен-лидеров, способных войти в хит-парад, группе пока создать не удавалось. Лишь в 1987 г. «Д.» записали альб. «Вернись, чтобы атаковать», который спустя полгода стал платиновым, и до сих пор две композиции с этой пл. входят в амер. хит-парад.

Пл.: Breakin' the Chains, 1981; Tooth and Nail, 1984, Under Lock and Key, 1986; Back for the Attack, 1987.

Изменения состава: 1983 — Гросье, + Джефф Пилсон, бас, вокал.

«DOORS» («Дорз»), группа «Двери» образовалась в 1965 г. в США.

Состав: Джим Моррисон, вокал; Рэй Манзарек, клавиш.; Робби Крюгер, гит.; Джон Денсмор, уд.

Жизнь, смерть, любовь, ненависть — эти понятия составляли основу психоделических блюзовых композиций группы, которая по праву занимает почетное место в пантеоне

не «королей» рока, а ее лидер, ныне покойный Джеймс Дуглас Моррисон, и по сей день продолжает кумиром интеллектуальных кругов Запада. За сравнительно короткое время существования «Д.» (под этим названием в исходном составе музыканты выступали с 1966 по 1971 г.) создали подлинно новаторскую музыку, которая перевернула представления слушателей о рок-музыке как средстве развлечения, а философская поэзия Моррисона убедительно доказала, что, соприкасаясь с подлинным мастерством, рок становится высоким искусством. К сожалению, в рамках «РЭР» о «Д.» больше не скажешь.

Пл.: The Doors, 1967; Strange Days, 1967; Waiting for the Sun, 1968; The Soft Parade, 1969; Morrison Hotel/Hard Rock Café, 1970; Absolutely Live, 1970; L. A. Woman, 1971; (пл. без Моррисона: Other Voices, 1971; Full Circle, 1972).

«DR. FEELGOOD» («Доктор Филгуд»), группа образовалась в 1971 г. в Великобритании.

Исходный состав: Ли Брайо, вок., гармоника, гит.; Джон Би Спаркс, бас; Уилко Джонсон, гит.; Джон Мартин, уд.

Начинали как исключительно концертующая группа и к середине 70-х приобрели такую популярность, что пл. просто была обязана появиться («Там, у пристани», 1975). «Д. Ф.» отлично вписались в струю повзрослевшего в то время музыкального движения, лидеры которого призывали рок-музыку к возврату на позиции 50-х. В музыкальном плане композиции группы представляли собой что-то среднее между панк-роком и биг-битом.

К началу 80-х «Д. Ф.» стали исполнять музыку, которая приближалась к стандартам ритм-энд-блюза конца 60-х («На работе», 1981), но англ. поклонники панк-рока, считавшие группу «своей», и тяготевшие к этому стилю музыкальные обозреватели организовали настоящую кампанию против «предательства» «Д. Ф.», и в 1983 г. группа была вынуждена распаться.

Спустя год «Д. Ф.» появились в обновленном составе, а их музыка сделала крен в «новую волну», хотя последний альб. группы («Классический», 1987) по звучанию напоминает ранний «Назарет», и вполне возможно, что в следующей работе музыканты приступят к разработкам идей хард-рока.

Пл.: Down by the Jetty, 1975; Malpractice, 1975; Stupidity, 1976; Sneakin' Suspicion, 1977; Be Seeing You, 1977; Private Practice, 1978; As It Happens, 1979; Let It Roll, 1979; Case of Shakes, 1980; On the Job, 1981; Fast Women and Slow Horses, 1982; Doctor's Orders, 1984; Mad Man Blue, 1985 (EP); Brillieux, 1986; Classic, 1987.

Изменения состава: 1977 — Джонсон, + Джон Мэйо, гит.; 1981 — Мэйо, + Джонни Гитар, гит.; 1982 — Спаркс, — Мартин, + Базз Баруэлл, уд., + Пэт Маккаллен, бас; 1983 — Маккаллен, — Гитар, + Фил Митчелл, бас, + Гордон Рассел, гит. (группа распалась); 1984 — группа реорганизовалась в следующем составе: Брайо, Рассел, Митчелл, Кевин Моррис, уд.

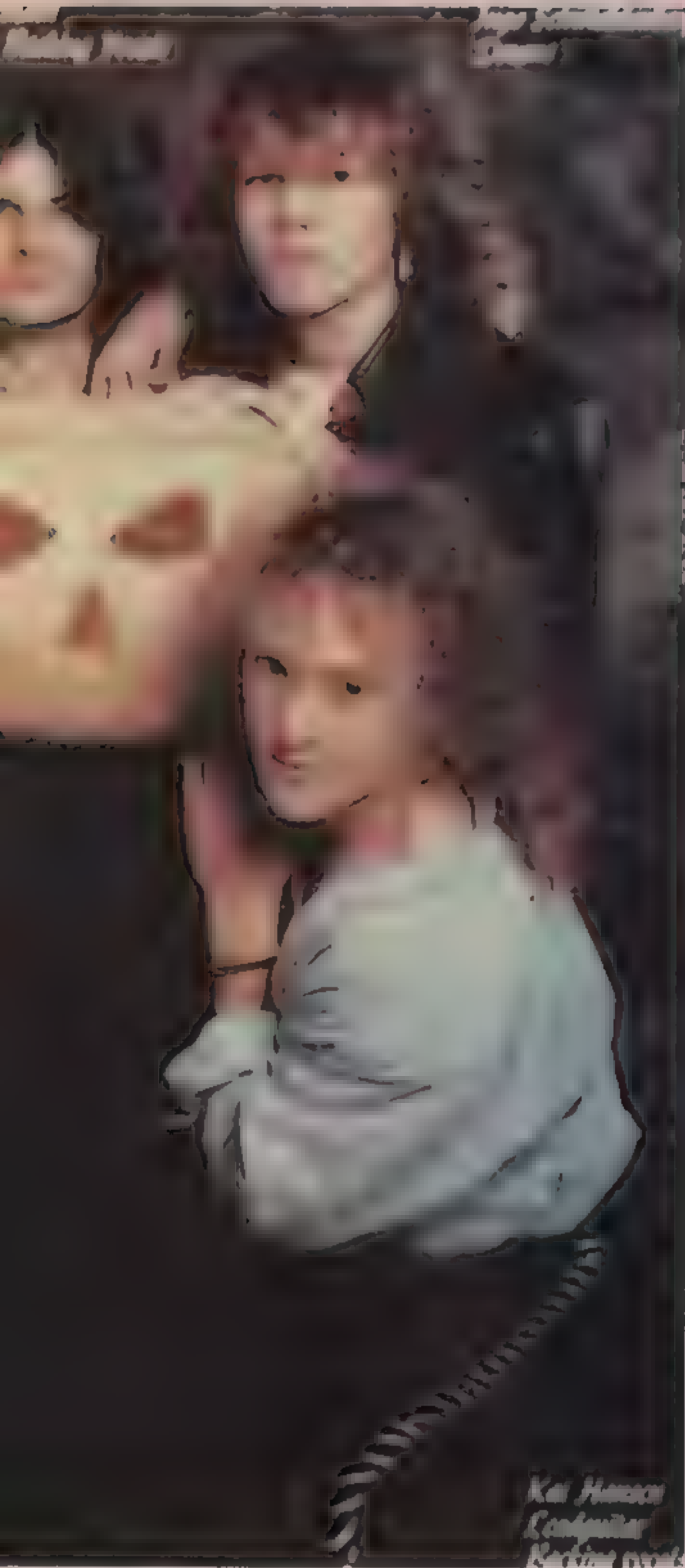
«DURAN DURAN» («Дюран Дюран»), группа образовалась в 1978 г. в Великобритании.

Исходный состав: Ник Родс, клав.; Джон Тейлор, гит.; Стив Даффи, вок.; Саймон Колин, бас.

В таком составе группа начинала свою карьеру, но вскоре часть музыкантов сменилась, и появился тот «Д. Д.», который сейчас хорошо известен во всем мире («Дюран Дюран» — персонаж фантастического фильма «Барбарелла», снятого режиссером Роже Вадимом). В 1980 г. был подписан контракт с фирмой ЭМИ, и спустя год появилась первая пластинка. Несмотря на то, что «Д. Д.» традиционно причисляют к направлению «новых романтиков» (см. «РЭР» № 7/87, «Адам и муравьи»), их музыка скорее своеобразная смесь диско и «новой волны» с незамысловатой мелодикой в духе «Осмондс» и «Бэй сити роллерс». Но неверно было бы проводить параллели между этими откровенно коммерческими группами и «Д. Д.», поскольку с музыкальной точки зрения «Д. Д.» гораздо более изобретательны, и композиции группы говорят о хорошем вкусе исполнителей. В разное время около 15 песен «Д. Д.» занимали высокие места в хит-парадах Англии и США. Как

Западногерманский квинтет «Хеллоуин» сравнительно юный, как, впрочем, и его участники, первый юбилей группы — пятилетие со дня образования — еще впереди. Но и за такой недолгий срок «Хеллоуин» приобрели репутацию одного из лидеров современного тяжелого рока: с триумфом прошли первые гастролы в США, группу прекрасно принимали английские любители хард-рока —

последнее обстоятельство играет, пожалуй, решающую роль, поскольку о признании на родине «Лед зеппелин» и «Дил перпл» мечтает любая группа. Мечта «Хеллоуин» сбылась, теперь остается суший пустяк — надо работать так, чтобы новые пластинки были лучше прежних, а, как мы знаем, такое требование очень часто оказывалось не под силу даже «королям» рока. Успеха вам, «Хеллоуин»!

следствие, невероятная популярность группы во всем мире, включая страны Африки и Латинской Америки.

В середине 80-х музыканты «Д. Д.» занимаются сольной работой и участвуют в записях таких групп, как «Пауэр стейшн» и «Аркадия» (иногда в ущерб творчеству «Д. Д.»).

Пл.: Duran Duran, 1981; Rio, 1982; Carnival, 1982 [EP], Seven and the Ragged Tiger, 1983; Arena, 1984; Notorious, 1985.

Изменения состава: 1978 — Даффи, — Колли, + Роджер Тейлор, уд., + Энди Уикетт, вок.; 1979 — Уикетт, + Энди Тейлор, гит., вок., (Джон Тейлор переключился на бас); 1980 + Саймон Ле Бон, вок.; 1987 — Энди Тейлор.

DURY, IAN. Иэн Дьюри, родился 12 мая 1942 г. в Великобритании.

Заболев в семилетнем возрасте полиомиелитом, И. Д. почти десять лет провел в больницах и клиниках, получая школьное образование заочно. В 17 лет он поступил в художественный колледж и после его окончания прошел полный курс в Королевской академии искусства, одновременно изучая композицию и менеджмент.

Еще в академии И. Д. организовал группу «Килбери энд зе зай роудс», которая специализировалась на рок-н-роллах 50-х с примесью джазового стиля би-боп. Музыкантов заметил известный англ. журналист Чарли Джиллitt, ставший впоследствии менеджером группы. «Килбери» записали одну пластинку в 1973 г.; на следующий год — вторую (выпуск ее был задержан до 1978 г.); в конце 1973 г. группа распалась.

В 1977 г. И. Д. и его коллега по предыдущей группе, пианист и гитарист Чез Джанкел, организовали новое музыкальное предприятие, которое назвали «Блокхэдс»; кроме них, в группу вошли: Дэн Пейни, сакс.; Норман Уотт-Рой, бас; Чарли Чарлз, уд.; Мики Галлахер, клав.; Джон Террибалл, гит. Стиль этой группы представлял собой нечто среднее между реггей, джаз-роком, фанком с заметными элементами панк-рока и музыкального футуризма. Пластинки пользовались огромным успехом не только в Англии, но и в США, несмотря на то, что невероятный кокни-выговор И. Д. делал тексты песен практически непонятными для амер. аудитории. В 1979 г. «Блокхэдс» дали серию концертов в Европе, весь сбор с которых пошел в помощь народу Кампучии, а также в фонд ООН для детей-инвалидов.

В 80-е И. Д. практически не записывает пл., уделяя основное внимание концертным выступлениям; в последнее время он проявляет интерес к театру и кинематографу.

Пл.: Handsome, 1975; New Boots and Panties!!, 1977; Wolf a Bunch, 1978; Do It Yourself, 1979; Laughter, 1980; Lord Upminster, 1981; Juke Box Dury, 1981; Sex and Drugs and Rock and Roll, 1987.

DYLAN, BOB. Боб Дилан (настоящее имя Роберт Аллен Циммерман), родился 24 мая 1941 г. в США.

Поскольку рассказать о творчестве этого выдающегося музыканта, поэта и композитора в рамках «РЭР» столь же сложно, как, например, осветить карьеру «Битлз» или «Дил перпл», ограничимся лишь дискографией Дилана (приводятся даты выпуска его пл. в Англии, буквой «ф» обозначаются пл. с музыкой и песнями и фильмам): Bob Dylan, 1962; The Freewheelin' Bob Dylan, 1963; The Times They Are A-Changin', 1964; Another Side of Bob Dylan, 1964; Bringing It All Back Home, 1965; Highway 61 Revisited, 1965; Blonde on Blonde, 1966; John Wesley Harding, 1968; Nashville Skyline, 1969; Self Portrait, 1970; New Morning, 1970; Pat Garrett and Billy the Kid, 1973 [ф]; Dylan, 1973; Planet Waves, 1974; Before the Flood, 1974; Blood on the Tracks, 1974; The Basement Tapes, 1975; Desire, 1975; Hard Rain, 1976; The Last Waltz, 1978 [ф]; Street Legal, 1978; Dylan at Budokan, 1979; Slow Train Coming, 1979; Saved, 1980; Shot of Life, 1981; Infidels, 1983; Real Life, 1984; Empire Burlesque, 1985; Biograph, 1985; Knocked out Loaded, 1987; Down in the Groove, 1988.

мы знакомились, обменивались добродушием, по рукам ходили огромные холодные бутылки с фруктовой водой. «Мы попросту не такие, как другие американцы», — говорили они. Я смотрел по сторонам: бедная обстановка, давно не было ремонта, на полу, высунув язык, лежала большая лохматая собака. Совсем как в какой-нибудь московской квартире, хозяйка которой не слишком пекется о мебели и комфорте: на это у них нет ни времени, ни средств. Я почувствовал, что теряю ориентацию и несколько раз повторил себе: «Тут тоже США». Так не по-американски все выглядело.

Вечером снова концерт. Мы опоздали, не можем найти Пегги и Энди, может быть, где-то они держат для нас места, а концерт уже начался, амфитеатр полон через край.

Оказывается, Джон Денвер все еще популярен. Игорь где-то приткнулся. Стараюсь никому не мешать, я сел на каменных ступеньках, но чья-то рука легла на плечо. Незнакомый толстяк американец приглашал сесть рядом на скамейке. Что за черт? На скамейке не было и сантиметра свободного пространства. Но толстяк стал теснить сидевших рядом старушек: «Это русский, русский». Я замотал головой, но бабушки все приглашали обеими руками: «Come, come!»¹ Добрый толстяк втиснул меня рядом и положил руку на плечо. Конечно, ее некуда было деть, но и расположен он был ко мне — это точно.

«What we are making weapons for?»² — пел Денвер на экране: ракеты на Красной площади, танки, американские фермеры, советские дети, военные самолеты, комбайны «Нива» на поле, все вперемешку, быстро сменяя друг друга — кадры вооружений и простого человеческого счастья. «Зачем мы делаем оружие?» Есть много разумных и даже правильных ответов, но, глядя на экран, я думаю: любой из них — безумие. Эту песню Джон Денвер написал в Москве вместе с Александром Градским.

Амфитеатр — зал открытый, прохладно. Американцы — в осенних куртках и шапочках. Элегантно одетая советская женщина: белый костюм, белые перчатки, тонкая блузка. Соседка-американка предлагает плед. «Спасибо, не надо». На следующий день газета «Чатокван дейли» процитировала слова этой женщины: «Я так оделась из уважения к артисту» — настолько удивил американцев такой случай. Чем?

А на экране улыбаются, разговаривают члены экипажа космического корабля «Челленджер». Денвер поет: люди стремятся к звездам, жертвуя собой ради мечты... Включили свет, вокруг многие плачут.

Сострадание в американском характере? В Детройте разбился пассажирский самолет, погибли все, кроме девочки четырех лет. Каждый пуск теле новостей сообщает о новых фактах,

обнаруженных расследованием причин катастрофы, родные погибших дают интервью. Сенсация? Прежде я так и объяснил бы: нездоровый интерес, острые ощущения, кровожадность... Но вижу: американцы волнуются, плачут, спрашивают друг у друга о состоянии девочки — «Будет жить!» Сесилия, так зовут девочку, придя в себя, спросила. «Где моя кукла?» Теперь больничная палата завалена игрушками со всех штатов. Сколько писем с просьбами удочерить девочку! Я вижу: катастрофа — американская трагедия.

В соборе святого Иоанна в Нью-Йорке — мемориал СПИДа, лежит книга, в которую записывают имена каждого умершего. «Утешить и придать сил тем, кто потерял родных и близких и друзей, унесенных болезнью», пытается мемориал. Пожертвования идут на финансирование медицинских исследований по СПИДу.

Лица жертв СПИДа — на страницах центральных журналов. Тоже не ради сенсации: вы не отверженные, мы знаем о вас, помним и скорбим. Белые страницы в книге мемориала — горе, которое впереди.

В соборе святого Иоанна лежит еще одна книга — книга подписей под петицией в защиту Леонарда Пелтиера. Я поставил свою подпись.

Но я отвлекся, а хотел написать, что думал, глядя на документальные кадры об экипаже «Челленджера». Я думал: эти полеты использовались и в рамках программы СОИ. Для меня такая ассоциация естественна.

В музее воздухоплавания и космонавтики, который мы посетили в Вашингтоне, много экспонатов военной техники, там много детей, они тут играют, бегают, разбираются на экспонаты, трогают все, что хотят, кругом звучат голоса космонавтов, записанные во время радиопереговоров, черный экскурсовод, смеясь и хлопая по плечу малыша в детской экскурсионной группе, говорит: «Ты не знаешь, что такое «Скай-лэб»? Пойдем-пойдем». У макета комплекса «Аполлон» — «Союз» отец объясняет крохе, почему советская ракета рядом с американской: «...нет, не война... нет, не врезались... они вместе летали». — «Ну ужели!» Фраза экскурсовода: «...русские и американцы дышали одним воздухом». В кинозальчике крутят фильм об истории американской космонавтики. По сути, это рассказ о космическом соревновании с Советским Союзом, Советский Союз все время обгоняет, и вот — «Шаттл», американцы впереди! Но Советский Союз запускает орбитальные станции. Тогда американцы — «Скай-лэб». Но советские космонавты побивают все рекорды длительности обитания на орбите... Налицо желание космического превосходства, но кому плохо от такого соревнования: о вооружениях в фильме речи вообще не идет.

Денвер приглашает на сцену члена советской делегации Валентину Терешкову и дарит цветы.

После концерта шел дождь. Люди покупали в киоске свечи и, прикрывая пламя ладонями — словно со светлячками в руках, — шли вокруг площади Бостор, мимо кафе, в витрине которого висел советский флаг с серпом и молотом.

«Мы проводим бдение за мир», — сказали нам, и мы купили свечи...

В дни «чатоковского спокойствия» президент Рейган произнесет речь: он скажет о двух сгущающихся тучах — ядерной угрозы и угрозы распространения «тоталитарных режимов»; что СОИ сдержит от взаимного уничтожения; что необходимо оказывать «прямое давление» на Советский Союз. В этот день ко мне будут подходить чатоканцы и извиняться за речь своего президента.

А теперь, когда я все это пишу, президент Рейган уже побывал в Москве, и на вопрос, который ему здесь не раз задавали журналисты (прежде всего западные), считает ли он по-прежнему Советский Союз «империей зла», президент отвечал: «Нет, не считаю». Вообще после просмотра по телевидению тех интервью, данных президентом Рейганом в Москве, у меня сложилось впечатление, что западные журналисты настойчиво (с непонятным мне азартом) пытались вернуть президента к былому резкому тону в оценках советской действительности. Но президент собственными глазами увидел Советскую страну, и его отношение к ней изменилось, стало реалистичнее — так выходило из его ответов.

И все-таки: где-то за этими открытыми лицами и искренними улыбками, крепкими рукопожатиями и игрушечными домиками, за словами обаятельного президента стоит, потешается демон — империализм с его ВПК³, — переставляет человечков, чтобы все выглядело о'кей... Не могу поверить, что всё и все, кого я вижу, — лишь фон, декорация, скрывающая от глаз нечто куда более главное — некую могучую силу, управляющую людьми. Люди не главные?

А что сами люди? Каждые трое американцев из пяти относятся к политическим институтам как к чуждым им учреждениям. «Богатые становятся богаче, а бедные беднее» — считает каждый четвертый из пяти. Больше половины убеждено, что их мнение ничего не значит. Ну ужели ничего не значит?

И американские институты власти в Вашингтоне казались такими открытыми — словно театр. Желающие послушать заседание конгресса могут купить билет и слушать — как в театре. У Белого дома тот же стиль. «Президент и его семья», — говорит рекламная брошюра (на русском), — приглашают Вас посетить этот знаменитый дом, ознакомиться с ним и воспринять непосред-

ственно оживляющий его дух радушия, гостеприимства и достоинства... Посетители с физическими недостатками, не позволяющими им стоять в очереди, должны направляться сразу же к Восточным воротам для немедленного пропуска».

У ограды Белого дома стоят манекены президента Рональда Рейгана и его супруги Нэнси, на «лицах» — повязки, за столиком сидит фотограф: «Фотографируйтесь рядом с президентом и его супругой! Цена — 5 долларов, своим фотоаппаратом — 4 доллара». Когда подходят желающие сфотографироваться, повязки с манекенов снимаются.

Напротив на тротуаре в спальном мешке спит бездомный, ботинки стоят у головы, чтобы не стеснили. Неподалеку молча стоят люди с транспарантами: «Дайте миру шанс сейчас!», «Не бойтесь ответственности!»

Мы вошли — мимо садовников, работающих в парке, на земле лежала пленка, укрывавшая ростки цветов. Самый большой зал — Восточный зал белого и золотого цвета. Здесь стоит рояль на ножках в виде орлов, хрустальные люстры на потолке. На стене — знаменитый портрет Джорджа Вашингтона. Эту картину спасала Долли Медисон, супруга президента Джеймса Медисона, в 1814 году, когда англичане подожгли Белый дом. В этом зале американцы прощались с телом президента Джона Кеннеди. Здесь же давал концерт пианист Ван Клиберна, и одна из вещей, которую он исполнил, была песней «Подмосковные вечера» на русском языке, ему тогда подпевал Михаил Сергеевич Горбачев.

В 1800 году, сидя здесь, в еще не достроенной комнате, и рядом сушилось белье, Джон Адамс писал жене: «Молю небо ниспослать благословение на сей дом и на всех, кто будет в нем жить. Пусть только честные и мудрые люди правят под этим кровом», — слова теперь высечены на мраморной доске над камином.

Я думаю об американских идеалах. Только ли красивые слова, выбитые на мраморе в Капитолии, в Белом доме, в мемориалах в Вашингтоне? Слова Авраама Линкольна, 16-го президента США, верившего, что Америка даст рождение истинной свободе. Теперь, огромный, мраморный, он сидит среди дорических и ионических колонн в центре своего мемориала, похожего на храм богини Афины, а по мраморным скатам вдоль каменных ступеней, как с горки, катаются дети, на ступенях сидят родители-туристы и жуют сэндвичи и лизжут мороженое.

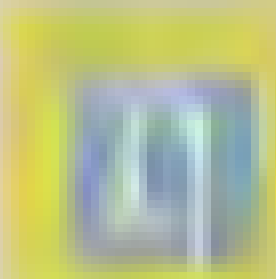
На южном берегу вашингтонского залива — другой мемориал — Томасу Джефферсону. На стенах — тоже слова Джефферсона о том, что все люди созданы равными, что у всех есть право на жизнь, свободу, поиск счастья. Идеалы, очень похожие на те, которые провозглашаем мы.

Все познается в сравнении. Наверное, важно выделить отличия от нас, я вспоминаю, что больше всего меня удивило: как я постигаю водопроводный кран —

круглый стеклянный шар: крутишь в одну сторону — горячая вода, в другую — холодная, тянешь шар на себя — напор увеличивается... всюду одноразовая пластмассовая посуда: вилки, ложки, тарелки, ножи, стаканы — все выбрасывается... в нескольких шагах от нашего отеля в Нью-Йорке я насчитал больше сорока театров... лозунг в офисе знаменитого журнала «Тайм», написанный по-русски: «Ни минуты простоя!»... Единственная очередь, которую я увидел, — к статуе Свободы... Взгляд скользит по поверхности, выделяя детали, которые сами по себе ничего не значат, перечислять их означало бы расписаться в мелочности собственного восприятия. Что скрыто за деталями? Меня угнетает это неумение ощутить и сформулировать мысль.

Что же меня удивляет? Что нечему удивляться. Я ожидал увидеть нечто в ином измерении, но кругом обыкновенная, нормальная жизнь, люди, живущие, по сути, так же, как мы. Иная схема общественных отношений не делает людей иными? Американцы такие же, как мы? Смысл этого вопроса я начинаю понимать только сейчас.

Мы прощаемся с Чатокуа. Пегги и Энди говорят: «Вы нам как сыновья». Игорь тоже чуть не плачет. Группа молодых советских журналистов выглядит как

набор призывников, окруженных родителями и друзьями. Подбадривающие улыбки, объятия, шутки и слезы. Лица, прилипшие к стеклам автобусов: кто плачет, что-то кричит в глухие стекла, делает знаки, мы машем друг другу руками. Прощайте, Пегги и Энди. В добрый путь.

На дозаправку наш самолет сел в Гандере — в это время единственный рейс в маленьком канадском аэропорту. Но приземлился еще один самолет, зеленопятнистый — «US Air Force». Я не сразу заметил, как наверху, у перил галереи второго этажа в зале ожидания, стали собираться люди в форме американских десантников. Их становилось все больше, они стояли наверху и смотрели на нас. Мне пришла мысль сфотографироваться с целой американской ротой! Я подошел. «Эта фотография, — сказал я, — будет символизировать, что у американских военных нет ненависти к русским». Я увидел настороженные глаза: «Нет»...

¹ «Иди же!»

² «Зачем мы делаем оружие?»

³ Военно-промышленный комплекс.

со стр. 9

ЭЛЬДОРАДО В АДУ

Золото, очищенное на 98 процентов, возвращается на весы. Кэйрос тщательно взвешивает его, потом извлекает из ящика пачки банкнот.

В городе рассказывают о людях, оказавшихся в этих краях без гроша в кармане и через несколько лет накопивших колоссальные состояния. Вот, например, такой-то — имя его никто не называет — собирает по четыре килограмма золота в день. Когда он отправляет свои сокровища самолетом, он якобы нанимает для сопровождения эскорт из пятнадцати вооруженных «горилл».

Не всем удается осуществить великую мечту. Есть такие, кто, загубив здоровье на дне реки, остаются ни с чем. Большинство все же действительно собирает несколько килограммов золота. Но у старателя есть одна странная черта: золото течет у него между пальцами, он обязательно должен потратить его, освободиться от него любым путем и как можно быстрее. За тропическую зиму, как правило, тратятся все сбережения. Такое впечатление, что они повинуются какому-то инстинкту, когда за шесть месяцев кутежа проматывают все, что им удастся собрать за шесть месяцев нечеловеческого труда.

Рассказывают о некоем Ананиасе. Каждый год в начале сезона дождей он заходил в студию частной радиокomпании и говорил: «Сегодня мой день рождения. Я хочу слушать только музыку в мою честь». Потом возвращался в барак и сутки сидел перед радиоприемником с мрачным видом за бутылкой.

Эти истории похожи на народные легенды. Не все в них верят, но в них есть доля правды. Итальянский миссионер Франко Делла Валле объясняет причуды старателей так: «Золото для них все равно что наркотик. Чтобы достать его, они способны голодать неделями и убивать друзей. И это превращает гаримпейро в другого человека. Он уже не может управлять собой, не способен контролировать свои сбережения».

Гаримпейрос бродят со свирепым видом по улицам: рваные джинсы, ковбойские шляпы, тяжелые золотые цепочки на шее и наглый взгляд вооруженного человека. Жители Порту-Велью боятся заступиться, когда гаримпейрос пристаёт к девушкам. Жители с нетерпением ждут мая, когда гаримпейрос возвратятся к лесной жизни. Все — за исключением владельца бюро похоронных услуг и скупщиков золота — вздыхают тогда с облегчением. Пусть даже вся рыба перемрет в реке, отравленной ртутью. Но разве это имеет значение? Главное, что снова наступит покой.

Перевела с итальянского
В. ПЕРЕХОДЦЕВА

МАРИНА ВЛАДИ

ВЛАДИМИР ИЛИ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Я не занята на съемках, мы не расстаемся, я хожу за тобой на спектакли, на твои концерты, организованные как встречи актеров со зрителями — между двумя докладами ты исполняешь свои новые песни. Зал ликует. Меня все больше поражает, как ты популярен, зал не отпускает тебя со сцены, записки с просьбами спеть ту или иную песню засыпают сцену у твоих ног, каждый вечер мы уносим домой охапки цветов.

Первый день фестиваля, в Москву приехали трое моих сестер. Вечером мы все приглашены к моей хорошей знакомой, вдове известного актера, Елочке Абдуловой. Она живет в чудесной квартире в старом доме в центре Москвы. Я заранее радуюсь этому вечеру. Сестры лишь мельком видели тебя, сегодня вы познакомитесь по-настоящему. Днем у участников фестиваля большой прием. Делегации собираются у гостиницы «Москва», откуда их повезут автобусами. Народу — тьма, но все организовано безупречно, атмосфера праздничная, здесь все друг с другом знакомы, а встречи у людей кино всегда эмоциональные. Мы с тобой рука об руку подходим к гостинице. За те несколько минут, что остаются до отъезда, я успеваю представить тебя своим друзьям французам, итальянцам и даже одному японцу, с которым я несколько лет назад рабо-

тала в Токио, мы стараемся понять друг друга в этом вавилонском многоязычии. Когда подходит наша очередь, мы поднимаемся в автобус, и тут я слышу крики, оборачиваюсь и вижу, что тип, проверяющий наши приглашения, ругаясь, выпихивает тебя из автобуса. Я кидаюсь к нему, пытаюсь объяснить, но твой взгляд останавливает меня. Ты бледен; унижение, с которым тебе часто приходилось сталкиваться в повседневной жизни, здесь давит на тебя невыносимой тяжестью. Ты не можешь потерять свое достоинство на глазах этих веселящихся иностранцев. Ты вяло машешь мне: мол, все бесполезно. Двери закрываются, автобус отъезжает. Из окна я вижу тебя, ты стоишь на тротуаре, оскорбленный человек, до которого никому нет дела, и каким-то чаплинским тростным ударом отфутболиваешь разбросанные по земле пригласительные билеты.

При первой же возможности я ухожу с приема, мое положение иностранной актрисы, только что закончившей сниматься в СССР, вынуждает меня прослушать официальные речи. Мои сестры пришли к нашей знакомой раньше меня. Как всегда в Москве, все уже знает об этой истории с автобусом. Меня успокаивают, уговаривают не принимать случившееся близко к сердцу. Но тебя все еще нет, я начинаю думать о самом худшем. Около часа ночи ты распахиваешь дверь, нерешительно идешь по коридору и, рассеян-

но улыбаясь, опускаешься на диван. Вечер, однако, продолжается, все крутом говорят, сестры очарованы московским гостеприимством. От души отлегло. Заучит музыка, смех, на столе

красивые блюда, наполнятся фужеры, и ты здесь, рядом, чуть оцепеневший, напряженно улыбающийся, но, думаю я, ты хороший актер, и веселюсь, пою... Чуть позже я слышу твой стои, ты сгорбился над раковиной, тебе плохо. Это страшно, то, что я вижу: кровь хлещет у тебя из горла, все кругом в крови. Чуть приступ ослабевает, я помогаю тебе добраться до кровати.

Я умоляю, чтобы скорее вызвали неотложку, у тебя почти не прощупывается пульс. Меня охватывает паника. Реакция приехавшей бригады «скорой помощи» естественна и жестока: слишком поздно, слишком мало шансов, что ты перенесешь дорогу. Им не хочется, чтобы ты скончался в машине, это плохо для плана.

По растерянным лицам Елочки и Всеволода я понимаю, что приговор окончательный. Тогда, встав в дверях, я кричу, что если тебя немедленно не повезут в больницу, я устрою международный скандал. Я ору этим несчастным пасынкам медицинской системы, низкооплачиваемым, неуважаемым, чья забота состоит лишь в том, чтобы выполнять план, а не лечить и спасать людей, слова, от которых они в ужасе застыли.

До них, наконец, доходит, что этот погибающий человек — Высоцкий; что растерзанная истеричка — та самая французская актриса. Немного посоветовавшись, ругаясь, они переключаются на тебя, неподдающегося, на одеяло и сносят по лестнице вниз, в машину. Отчаяние прибавляет мне решимости. Несмотря на их протесты, я еду вместе с тобой. Приемные всех на свете больниц «скорой помощи» похожи. Душворчатая дверь захлопывается за тобой. На часах три ночи, в коридоре пахнет эфиром, на лавочках прикорнули какие-то люди.

Приникнув к щели между створками, вижу, как спят врачи в бледно-зеленых стерильных комбинезонах. Мне видна только крохотная часть реанимационной, но там все в движении, значит, там занимаются тобой, значит, не вся надежда потеряна. В следующее мгновение меня оттесняют в угол и вносят носилки, на которых лежит исковерканное бесформенное тело женщины. Вспыхнувшая во мне надежда гаснет. Я понимаю, что то движение, которое показалось мне гарантией того, что ты жива, не прекращается в этих стенах ни на минуту. Несколько часов я не отхожу от двери. Приезжают Елочка и Всеволод, привозят что-то поесть, сигареты, теплый платок. Я успела познакомиться с теми, кто сидит в коридоре, с родителями сильно обгоревшего мужчины, с матерью той молодой женщины, которую я видела на носилках, ее дочь сбросил из окна десятого этажа реанимный жених, со

старушкой, у которой муж попал под поезд. Чувствую, какая глубокая солидарность связывает этих людей.

Уже нет ни иностранки-американки, нет больше стариков и молодых, а как все, просто какая-то женщина, которая со страхом ждет известий о своем муже. То и дело вскакиваю к двери реанимационной, пытаюсь что-нибудь понять по усталым лицам врачей.

Наступает и бесконечно тянется день. Несколько раз я безуспешно пытаюсь заговорить с кем-нибудь из выходящих от тебя врачей. Они ничего не хотят говорить, нужно ждать. Поздно вечером — прошло уже шестнадцать часов, как ты здесь — какой-то низкорослый врач с выразительными глазами и торчащими во все стороны усами знаком подзывает меня и просит пройти за ним. За дверью крохотная комната. Во всех углах разорванная окровавленная одежда, тампоны, пустые ампулы — целые горы. Напрямую проход в огромный ослепительно освещенный зал. На каталках лежат опутанные трубками тела. Я узнаю тебя, в твоём теле ни кровинки, грудь судорожно вздымается. Игорек, тот самый врач, успокаивает: «Было трудно, он потерял много крови. Привезли бы на несколько минут позже, мог бы умереть. Теперь надо быть осторожнее». Я слушаю его, не отводя от тебя глаз. Он объясняет, что у тебя разорвался в горле сосуд, что теперь тебе нельзя пить, что тебе необходим продолжительный отдых. Остальные врачи, еще трое мужчин и женщина, говорят, что они рады, что спасли тебя, что познакомились со мной, хотя и повод для знакомства не из веселых. Как я люблю этих людей, которые, продолжая спасать все, что еще можно спасти, улыбаются и шутят...

Больница размещается в красивом бело-голубом особняке XVIII века. Я хожу сюда каждый день, ношу тебе поест, ты должен восстанавливать силы, вливаю в тебя бульоны, мясо, овощи, фрукты. На щеках у тебя появились румянец. В твоей палате все больные — с поврежденным горлом: после ожогов, трахеотомии, удаления раковой опухоли; у некоторых для питания вставлены специальные воронки. Тем не менее атмосфера в палате не гнетущая. Нянечки, добрые старушки, обращаются с вами как с неразумными детьми, ругают вас, когда вы курите тайком, но всем они на «ты» и ласковы, и ты, конечно, у них любимчик.

Ты еще слаб, но уже потребовал принести твою гитару, бумагу, ручки. К общему удовольствию ты поешь вполголоса, сочиняешь забавные и едкие песенки про соседей по палате, про санитаров, про разные мелочи жизни старой больницы. Палата превращается в концертный зал, и нянечкам с огромным трудом удается уложить всех на кровати.

В углу лежит мрачный мужчина с непроницаемым лицом, он не принимает участия в общем веселье. Горло

у него сожжено кислотой, он ее выпил, принял за водку. Ему сделали несколько операций и пересадок. В больнице он лежит несколько лет. У него сильные боли. Глаза у него опухают только когда он видит маленькую девочку-узбечку лет пяти или шести, с иссиня-черными косичками. У нее тоже сожжено горло, она выпила щелочь, и здесь, в больнице, она уже третий год. Она никого не подпускает к себе, кусается и царапается, как дикая кошка. Ее единственный друг — мрачный мужчина с воронкой. Девочка подолгу сидит у него на кровати. Они о чем-то шепчутся на ухо, смеются, она гладит его по небритой щеке, он носит ее на руках, баюкает. Всех нас трогает эта странная дружба.

Когда ты поешь, девочка смотрит на тебя исподлобья, в ее черных блестящих глазах чувствуется любопытство и как будто недоумение. Похоже, ей нравится, что ты поешь. Может быть, ты тоже станешь для нее другом. Однажды к человеку с воронкой пришел приятель, его сосед по дому, по всему видно — пьяница. Пришел и тут же сунул под подушку своему другу бутылку дешевого вина, которое, хотя и называется «Портвейн», но по вкусу — отвратительное пойло, отдаленно напоминающее дешевенький «спорт». Это излюбленный напиток алкоголиков. Пользуясь тем, что нянечек поблизости нет, мужчина вставляет свою воронку и, сверкая глазами, облизываясь и кривля от удовольствия, картинно опрокидывает в нее бутылку. Эффект мгновенный: он принимается тихихать, потом заходится смехом. Ему вдруг становится жарко, он срывает с себя плащ, швыряет свою воронку через всю палату и, голый, весь в шрамах, начинает дико отплясывать. У него сожжены голосовые связки, и звуки, которые он издает, исходят неизвестно откуда. Сначала все вокруг смеются, но скоро дело принимает иной оборот. Когда нянечки пытаются его успокоить, мужчина вырывается, на помощь зовут санитаров, но бесполезно — после выпитого у него прибавилось силы, он свирепеет. Вдруг распахивается дверь и в палату входит маленькая узбечка, она берет своего друга за руку, шепча что-то ласковое своим страшным голосом, поднимает с пола его плащ, заставляет его одеться. Понемногу мужчину приходит в себя, ложится, девочка встает на колени рядом с кроватью, кладет голову к нему на подушку, и через пять минут он засыпает. Она заботливо поправляет ему одеяло, потом каждого из нас по очереди окидывает презрительным взглядом и гордо уходит, не прощаясь показав нам язык.

Долечиваясь ты в Белоруссии. Твой друг, с ним вы вместе делали фильм о партизанах, привез нас в свою родную деревню, которую война обошла стороной. Здесь живет его старенькая мать. Изба крохотная, но на маленьком огороде видимо-невидимо овощей, и

у козы достаточно молока, чтобы по утрам ты выпивал его, еще теплого, большую кружку. Целыми днями мы бродим по окрестностям деревни, твой друг показывает места, где четверть века назад шли жесточайшие бои. Не верится. Кругом тихая и красивая природа, совершенно круглые озера среди холмов, начало осени, все желто, еще тепло. Иногда мы набредем на старые партизанские землянки, целые подземные деревни, заросшие травой. Не раз мы попадаем в деревни, безлюдные с тех пор, как отсюда ушли немцы. Обугленные руины деревень, все население которых — старики, женщины, дети — были уничтожены. В Белоруссии сотни Орадунов, сотни деревень, в которых в живых не осталось никого. Контраст между тихой природой и жестокостью преступлений нас потрясает. А как-то вечером за столом при керосиновой лампе мать твоего друга рассказала...

В 1944 году в этой деревне остались только женщины от пятнадцати до сорока пяти лет, несколько старух и два дряхлых деда. Мужчины все ушли на фронт, а кто по возрасту не подошел — в партизаны. Немцы тогда отступали, бежали. Деревня чудом уцелела, но что толку — ни одного мужчины не осталось, все погибли. Об одних с фронта пришли похорошки — «Погиб за Родину», о других от партизан — страшное известие «В таком-то отряде никого в живых...» И когда в деревню вошел небольшой отряд советских солдат под командованием молодого капитана, селянки уже приняли решение. Солдат накормили, напоили им баньки, принесли чистого белья, надели на подушки кружевные наволочки. Размороженные солдаты спали крепко, как за долгие месяцы еще ни разу не спали. А в одной избе самая боевая из женщин уговаривала молодого командира: «То, о чем я вас буду просить, вас покоробит. Постарайтесь понять нас. Война отняла у нас всех мужчин. Чтобы жизнь не кончилась, нам нужны дети, дайте нам эту жизнь».

Наша старушка умолкает, стыдится. Помолчав, продолжает:

— В соседней избе живет паренек-тракторист, азиат, похож на своего отца; почтальонша — та вылитая армянка, а повариха в бригаде — настоящая сибирячка.

Я тихонько плачу, этот рассказ заставляет меня почувствовать трагедию, выпавшую на долю этой страны, сильнее, чем любая официальная пропаганда.

Мы идем спать в сарай, на душистое сено. По соседству ворчит свинья, протестуют потревоженные куры. Всю ночь ты сочиняешь стихи вслух, слова торопятся, сменяются образы. У тебя нет гитары, ты отбиваешь ритм рукой. В эту памятную ночь родится много песен из «военного цикла».

Ты не любишь рассказов о войне, но для тебя, как для любого русского человека, они часть твоей культуры. Твой народ, который ты глубоко любишь,

слышит в твоих песнях отзвуки трагедии, что не обошла стороной ни одну семью: двадцать миллионов погибших, миллионы увечных, сирот, вдов. Тысячи городов, деревень исчезли с карты. На твоих концертах ветераны в медальях слушают их со слезами, молодежь становится вдруг задумчивой и серьезной. Эти песни и для мира, и для памяти погибших значат больше, чем все фильмы, документы, памятники и официальные речи воедино.

Ты родился в 1938-м, ты не воевал. Твой единственный подвиг был в том, что ты кричал в картонную трубу-рупор невероятно сильным, несмотря на твои пять лет, голосом, что зажигательная бомба упала на крышу, зал добровольцев-пожарников...

Эспераль: эти три слога я произношу утром, сидя на краешке твоей кровати и пытаюсь объяснить тебе, что во Франции нарушить контракт только потому, что муж запил, невозможно. Раз так уже было, мне еще предстоит выплатить неустойку, которая больше, чем гонорар за тот же фильм, и еще раз позволить себе такое я не могу. Ты, похоже, не понимаешь. Действительно, здесь терпимость к выпивке повсеместная, ведь каждый может однажды упасть на улице, заснуть в сугробе. Пьянице помогают все, его прислонят к батарее в подъезде, не заметят его отсутствия на работе, дадут денег опохмелиться пивом, донесут до дома. Это — братство в выпивке. Как объяснить тебе, что с удовольствием выпитое вино после ужина в кругу друзей и даже ежедневные возлияния светского алкоголика — все это так далеко от той пропасти, куда погружаешься ты, от саморазрушения, к которому ты идешь, от той почти настоящей смерти, из объятий которой ты выбираешься разбитый и еще более раненый, чем накануне. Шесть или семь бутылок водки в день вычеркивают тебя из жизни. Здесь, в Москве, знают, что это такое, там, в Париже, нет. Как-то мне пришлось сниматься вместе с актером Ж. Л. В., он видел, как я переживаю, с полуслова понял меня и рассказал, что когда-то сам столкнулся с этой страшной проблемой. Уже несколько лет он не пьет благодаря импланту, который ему вживили под кожу. Естественно, ты должен решить все сам. Это как ограждения на лестнице. Химическая смиренная рубашка, останавливающая руку, тянущуюся к бутылке, чудовищный договор с собственной смертью. Стоит немного выпить — и инсульт.

У меня в сумке стерильная пробирочка. Необходимая для импланта доза. Я терпеливо объясняю. На твоём бесформенном лице только глаза — твои. Ты не веришь, ничто, по-твоему, не может остановить это разрушение, начавшееся еще в юности. Я люблю тебя, и я сражаюсь с тобой. Все возможно, достаточно захотеть и, рискуя, стоит попробовать заключить это невозможное пари со смертью. Однажды

ты уже вернулся с того света, мое отчаяние испугало врачей, тебя воскресили, ты встал на ноги. Прошло несколько месяцев, ты передо мной в пижаме, но все же живой. Я умоляю тебя попробовать. Ты соглашаешься.

Тот, первый имплант, вшитый тебе на кухонном столе приятелем-хирургом, которому я объяснила, что и как делать, — первый из многих других... «Эспераль» — в этом слове слышится неуловимо: надежда. Запретом главного не решишь, «Эспераль» — всего лишь костыль хромоте. Но благодаря ему ты крадешь у трагической неизбежности, которую ты ощущаешь, несколько лет жизни. За десять лет с 1970 по 1980 ты сумел втиснуть в скобки больше шести лет, собственной волей вырванных у этого проклятья. Однажды эта отсрочка заканчивается кризисом самонистязания, когда, чтобы вынуть имплант, ты вспарываешь руку ножом. Другой раз, через несколько дней после того, как ты попросил поставить имплант в недоступное место, на спину, ты находишь хирурга, который его извлечет. Ты волеи когда угодно отказываться от испытания, но новые падения всякий раз возвращают тебя к «Эсперали».

Периоды затихания сокращаются от полутора лет с первым имплантом до нескольких недель с последним. Ты больше не веришь в него, хуже, ты начинаешь испытывать себя. Через несколько дней после вживления «Эспераль» ты пробуешь пить маленькими дозами, реакция слабая, но ты увеличиваешь их, и врач, видя твоё состояние, решает извлечь препарат. Потом — свободное падение, кончающееся срочной госпитализацией. Реанимация, лечение, страх и отчаяние и новые адские круги, которые все уже и уже.

В те десять лет у нас был ангел-хранитель — Люся, тонкий голосок. Лицо ее я увидела лишь потом. А все началось, когда мы впервые расстались. Я собрала чемоданы и уехала из Москвы после долгого и тяжелого периода твоего алкогольного безумия. Мое терпение в то время еще не было безграничным, и, измученная, не представляя, как заставить тебя прекратить это глупство, в сбежала, оставив лишь маленькую записочку: «Не ищи меня». Это было наивно с моей стороны. С недавних пор я была твоей законной женой, и официальный документ, похоже, давал тебе право мучить меня, как тебе вздумается.

Я с головой ушла в работу, единственное средство от всех невзгод, которое я знаю. На несколько недель пришлось поехать в Рим, и там как-то утром в парикмахерской меня позвали к телефону. Звонили из-за границы. Я с ужасом подумала о детях. Неужели с ними что-то случилось? «Москва на проводе, вас вызывает Владимир Высоцкий». Я успеваю только сказать: «Алло», как слышу твой голос:

— Наконец, наконец, я тебя нашел, мы тебя нашли, спасибо, мои милые

телефонисточки, благодаря вам я отыскал свою жену, теперь все в порядке, я сейчас тебе объясню, я тебе все объясню, нужно, чтобы ты вернулась, ты моя жена, одна ты можешь мне помочь, разве не так, мои милые, я прав, скажите ей, что она мне нужна, скажите ей!

Я слышу в трубке смущенный смех, накладывающийся на твой голос: «Ну-ка, расскажите ей, что вам стоило ее отыскать», и, не дожидаясь ответа телефонистки, ты начинаешь рассказы-

— Мы обзвонили все гостиницы Рима, наконец нашли, где ты остановилась, но ты вышла, «она в парикмахерской», а в какой! Но это уже пустяки, мы дозвонились нескольким парикмахерам, и, наконец, ты вот.

По твоему голосу, по твоему возбуждению я понимаю, что ты не в себе, я говорю тебе об этом, но, прежде чем ты успеваешь ответить, вмешивается тоненький голосок: «Не беспокойтесь, он ищет вас уже несколько дней, он не пьет, он только очень счастливый». Вот так мы помирились — через посредника.

Мы многим обязаны ей. Долгие месяцы жная врозь, мы были обречены считать дни в ожидании писем, ведя в них диалог глухих, или часами просиживать у телефона, дожидаясь звонка, которого могло и не быть. Эта необыкновенная женщина соединяла нас — не только по телефону, но часто и тем, что становилась нашим собеседником. Сколько раз, слыша, как я кричу в ярости, она говорила мне: «Успокойтесь, подумайте немного, ничего страшного не произошло, я перезвоню к вам через час». Сколько раз, вынужденная прослушивать междугородные разговоры, она прерывала тебя: «Рассоединю, мы перезвоним завтра, когда будем в лучшем настроении». Сколько раз, разыскивая тебя по всей стране, я попадала в конце концов на нашу добрую знакомую: она успокаивала меня и уже через несколько минут я знала, где ты, как тебя найти и что делать, чтобы ты вернулся домой. Но главное, мы обязаны ей тем, что всю нашу с тобой жизнь у нас была возможность каждый день говорить друг с другом как угодно подолгу и из любой точки Земли. Я знала, что и на краю Полинезии, и в Нью-Йорке, и в Афинах я могу услышать тебя. Она была нашей связующей нитью и в счастье, и в беде до самого последнего разговора. Ее заплаканное лицо я впервые увидела уже потом, когда ее сострадание никак не могло помочь нам найти друг друга.

Люся. Она осталась в песне «07», это цифра кода международной связи...

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Фото В. ПЕТЕРБУРЖСКОГО

(Продолжение следует)

РАДИОРОМАНТИКА

У многих популярная музыка вызывает скорее раздражение, нежели восторг, и уж наверняка любой из нас, застигнутый в вагоне подземки какой-нибудь негритянской мелодией, или попав в лифт, в котором раздаются звуки старого «Мастовани», признает, что это уже слишком.

Тот самый долгожданный марсианин, о котором так много говорили до того, как Марс оказался просто сферической розовой пустыней с даума полюсами холода, несомненно, был бы удивлен этим непрерывным аккомпанементом нашей жизни: сначала музыкальный будильник и радио в машине, далее — работа под составленную психологами музыкальную программу, затем — обеденный перерыв, когда мы прогуливаемся среди нищих музыкантов и танцоров брейка; после работы — в баре старомодный патефон-автомат, и, если не дома, где подростки уже поставили свои пластинки, то за городом, на свидании в ресторане — цыганский оркестр, старый тапер с неприменным стаканчиком на пюпитре или старые, наводящие сон записи Синатры, звучащие в тускло освещенном помещении...

Наверное, так и должно быть. Популярная музыка, кроме небольшой ее части, существующей для того, чтобы способствовать военному или религиозному порыву, связана со встречами и разлукой, с любовью и ее потерями, с предчувствием любви, возникающим глубоко в детстве — во времена, когда звучала «Лоллипоп», и воспоминаниями, остающимися до глубокой старости под аккомпанемент пластинок «Золотые годы». Мы танцуем, мы закрываем глаза, мы сливаемся с песней. Из этих неисчислимых песен, звучащих по радио, каждый может написать свою эмоциональную автобиографию. Первыми популярными песнями, которыми отмечено мое взросление, были «Плэймэйтес» с их заманчивым приглашением «заглянуть в мою дождевую бочку, взобраться на чердак». Девочки с косичками распевали мне в 1939-м: «Как ты можешь любить!» по дороге во второй класс, мои уши и щеки горели, но все мои осознанные желания сосредоточивались на очередной деревянной модели самолета. Потом наступила вторая мировая война. «Сонная лагуна» и «Деревянная кукла», и «Эта старая черная магия», от которой мурашки пробегали по спине, вместе с «Восхваляй господу и возьми оружие». После войны, правда, была школа с танцами в спортивном зале, и чьи-то пышные белые плечи в фиолетовом свете, и «Нажно», и «Говорят, это прекрасно», и открытие баскетбольного зала, и шесть мальчиков на сцене, старательно воспроизводящие звуки биг-бэнда, выводя «Звездную пыль»... И

Джон АПДАЙК,
американский писатель

звуки кларнета были так же неотразимы, как и песня «Чаттануга Чу-Чу». И та девушка в шелке и атласе, которую мы называли «Смешным лицом», обернулась Доррис Дэй, объявляющей сентиментальное путешествие («Я никогда не знала, что мое сердце может так тосковать»), чья последняя длинная нота открывала роскошную бездну чисто женской власти.

На патефоне-автомате в закуской «Голубой дым» мелодии Бинга Кросби уступили место мощному гнусавому голосу Фрэнка Лэйна. «Это счастливое старое солнце», и «Теннесси вальс». Лэйн был особенно трогательным, когда желал отправиться туда, куда улетели дикие гуси, и выговаривал неповторимо: «Мы будем пить вино, я буду смотреть тебе в глаза, я буду чувствовать прикосновение твоих губ...» Его голос был уличным, он доходил до самых потаенных мест души. Популярная музыка конца сороковых годов и ранних пятидесятых, попавшая в промежуток между закатом биг-бэндов и началом рока, основательно забыта; никто из джазовых маньяков, рокманов или чудаков с эстрады не забредает в эти дебри, и даже диск-жокеи ретро-клубов редко добираются сюда. Но этой музыке я обязан многими полубытыми именами — «Эми», «Лайма», «Линда» и стихами: «Когда я хочу уснуть, я никогда не считаю овец, а вспоминаю все прелести Линды». Кто мог заработать на «Золотых серьгах» или на «Дереве среди луга»? Мы могли, вот кто. И мы продолжали мечтать, несмотря ни на что. «Я так устал» вместе со «Звездной пылью» были воплощением институтского шика в фиолетовых тонах, долгим окончанием танца, усталым концом наших безумных

прокуренных дней. «Так устал, так устал жить», и все в семнадцать лет.

Потом был колледж, и какое-то затишье в музыке. Тогда не было музыки в библиотеках, и также мало в общежитиях — считалось, что это мешает мыслям, а сейчас музыка является их составляющей. Мне кажется, что я припоминаю из тех потерянных четырех лет наше несуразное пение в жалкой столовке Кембриджа песни Джонни Рэя «Маленькое белое облако, которое плакало». Я чувствовал, что это было воплощением какого-то конца, но не знал, насколько это серьезно. Рок-н-ролл начал сотрясать концертные залы. Элвис Пресли неожиданно достиг своей вершины, но все это вне поля моего зрения. Первой песней, яственно услышанной мною, студентом, была «Блюберри хилл», где Фэтс Домино, казалось, нашел себя. Было ли это самым главным? Неважно. Я твердо знал, что он хотел сказать, и почему Чабби Чекер очень хотел станцевать твист, как и мы прошлым летом. Мы уже стали городскими жителями, зарабатывали на жизнь, растили детей и перестали остро чувствовать перемены в музыке. Революции (Джоан Бэзз и Боб Дилан, «Питер, Пол и Мэри») следовали одна за другой, но уже наши дети учили нас их понимать. О эти славные записи до того, как Дайана Росс стала популярной! И конечно же, «Битлз», которые даже претендовали на интеллектуальность, и совершенствовались все больше, как Бетховен. Я предполагаю, что мое сердечное прощание с популярной музыкой состоялось в Англии, в конце шестидесятых под звуки песни «Хэй Джуд», когда мы, подпевая, чувствовали, что это последняя их совместная песня. Спой что-нибудь грустное, чтобы прочувствовать это до конца.

Но на самом деле мы никогда не прощаемся, популярная музыка всегда рядом, она держит ритм нашего сердца. Чуть слышные звуки, доносящиеся из радио в машине, с одной фразой, которая западает в душу, по-прежнему волнуют. Мне нравится, когда, например, звучит «Истинно синие» Мадонны. Захватывающе. Много лет назад, когда зимним холодным утром отец подвозил меня в школу на машине, я смотрел на слабый огонек радиоприемника как на источник тепла: это была истинная тоска по музыке, родившаяся в Филадельфии и живущая со мной в Нью-Йорке, она вела меня через все к безбрежным возможностям.

Популярная музыка купает нас в море эмоций, направляет к общей гармонии, по сравнению с которой наши жизни — только тени

Перевела с английского
Марина КОРНЕВА

ЦЕНА «ОСКАРА». Многие кинозвезды, режиссеры, продюсеры, сценаристы всю жизнь мечтают об обладании статуэткой, которую сейчас упаковывает девушка, но не многие удостоиваются чести такую статуэтку получить. Сколько сладких и горьких слез, сколько интриг, сколько зависти, взлетов и падений связано с возжеланной фигуркой — ведь это «Оскар», знаменитый приз Американской киноакадемии. А для одной из чикагских фирм это обычная, рядовая продукция: чтобы сделать «Оскара», нужно

всего три дня. Реальная стоимость приза за лучшее кинематографическое достижение — 200 долларов, и любой киноделец мог бы купить себе десяток — нет, сотню! Но тогда это был бы уже совсем не тот «Оскар» — не сравнимый с девятью статуэтками, полученными в честном состязании с другими кинематографистами итальянским режиссером Бернардо Бертолуччи за его фильм «Последний

ЧТО ЭТО ТАКОЕ: круглое, восемь моторов, скорость 220 км/ч! Вот и не угадали, это не летающая тарелка. Этот необычный аппарат — плод двадцатилетних трудов доцента аэродинамики Калифорнийского университета Пола Моллера. Основная цель изобретателя: показать, что будущее автомобиля — небо, и машина водителя XXI века будет взмывать вертикально вверх с площадки позади дома и приземляться в пункте назначения, минуя все дорожные пробки.

Следующая модель, которая получит название «Мерлин-300», сможет достигать скорости 600 км/ч и будет оснащена четырьмя компьютерами, регулирующими работу моторов, ее ориентировочная стоимость 100 тысяч долларов, а потреблять она станет литр бензина на каждые пять километров пути. Так что в ближайшие годы «небесные пробки» Америке пока еще не грозят...

Elvis Presley

John Lennon

Jim Morrison

Buddy Holly

1998

КУМИРЫ НА МАРКАХ. Перечень товаров, выпускаемых в мире для молодежи, практически безграничен: молодежная одежда, молодежные значки, пластинки и кинги для молодежи... Почта ФРГ выпустила этот список, выпустив серию марок, на которых изображены самые популярные рок-музыканты. Это Элвис Пресли, Джон Леннон, Джим Моррисон и Бадди Холли. Почему избраны эти музыканты, а не другие? Потому, что лица именно этих людей хотели бы видеть на марках западногерманская молодежь! Отбор осуществляли участники традиционной музыкальной телепередачи «Формула-1».

ВРЯД ЛИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ мы увидим чемпионат мира по этому виду спорта. Чтобы научиться вот так «гасить» мяч (который, кстати, весит почти килограмм, потому что сплетен из ротанга) ногами, нужно тренироваться чуть ли ни с детского сада. В Лаосе, где эта игра называется катовай — «быстрый мяч», и в Таиланде, где она известна как такро, то есть просто «мяч», площадки для этого ногового волейбола можно увидеть практически в каждом школьном дворе. Благо нужно-то всего 6 квадратных метров утрамбованной земли и веревка, которую натягивают на высоте чуть больше полутора метров. Две команды по три человека играют до 15 очков. Разрешается отбивать мяч как только позволяет фантазия, только не руками.

Дорогие читатели, «Ровесники» может обещать первой отечественной команде по ноговому волейболу свою решительную поддержку на международных соревнованиях.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ИТАК, ТЕПЕРЬ — О САНДРЕ. Певце из ФРГ. Она мечтала стать звездой эстрады с самого раннего детства, но мечтала не лежать под одеялом и не в кресле перед телевизором. Чтобы стать звездой, девочка ходила в балетный кружок, пела пластинки известной певицы и, как только представилась возможность, начала брать уроки музыки — училась играть на гитаре. В двенадцать лет она приняла участие в конкурсе детских талантов и сумела привлечь к себе внимание. С этого момента ее мечта становится ее работой. В восемнадцать лет — в составе труппы «Арабески» — Сандра возглавила инт-парады в Японии и в Юго-Восточной Азии, а в двадцать три года, то есть в 1983 году, песней «Мария Магдалина» успешно начала свою сольную карьеру. Бархатные карие глаза, нежная улыбка, конечно, голос — и работа, работа, работа... Ну а кто знает другой рецепт успеха, пусть попробует по-другому!

Кид Динамит

Джойс КЭРОЛ ОУТС,
американская
писательница

Двадцать второе ноября 1986 года. Под оглушительный свист толпы двадцатилетний Майк Тайсон выходит на ринг переполненного зала отеля Хилтон в Лас-Вегасе. Посторонний наблюдатель удивился бы: ведь этот молодой человек еще не чемпион! Ведь он лишь претендент на звание чемпиона мира в профессиональном боксе. Но все девять тысяч человек, набившиеся в зал, собрались здесь именно для того, чтобы стать очевидцами исторического момента — рождения нового чемпиона в тяжелом весе. Они уверены: Тайсон отберет титул чемпиона у тридцатитрехлетнего Трера Бербика и станет самым молодым чемпионом в тяжелом весе за всю историю спортивных рекордов. Тем самым он осуществит предсказание покойного Каса Дамато, его бывшего тренера, наставника и опекуна: Майк побьет рекорд Флойда Паттерсона, в 1956 году завоевавшего этот титул перед самым двадцатидвухлетием.

Никогда прежде коллективная воля толпы, чуть ли не физически осязаемое ее желание не проявлялось столь бурно, как в этот вечер в Лас-Вегасе. Выиграны все двадцать семь встреч, двадцать пять нокаутов, пятнадцать из них — уже в первом раунде, — и все это только за последние двадцать месяцев на профессиональном ринге. Его сравнивают с легендарным Роки Марчиано, но у Тайсона выше скорость, он более подвижен, чем Марчиано; с Мухаммедом Али — но у Тайсона сильнее удар, чем у Али; с Сонни Листом, Джорджем Форманом и Джо Фрээрером — но у Тайсона техника выше; с Джо Луисом и Джеком Демпси — однако Тайсон моложе, чем были они на том же этапе своей карьеры. Как и Демпси, когда тот рвался к титулу чемпиона, Тайсон производит впечатление человека необузданной ярости, которую сдерживают лишь канаты ринга, рефери и правила профессионального бокса. Для него уже подобран соответствующий образ — аутсайдера, изгоя, молодого чернокожего претендента, жаждущего всего, что может дать ему белая Америка. И поэтому, когда Кид Динамит, как его называют в последнее время, объявляя на матчах, выходит на ринг, он настолько овладевает вниманием толпы, что появление следом самого чемпиона Бербика проходит незамеченным.

Тайсон для боксера тяжелого веса невысок, метр восемьдесят, и настолько мускулист, что скорее похож на культуриста, чем на боксера, волосы беспощадно коротко подстрижены, вместо халата на нем белое полотенце с грубо вырезанной дырой посередине: «Так я острее ощущаю себя бойцом», — говорит Тайсон.

Этому моменту были подчинены последние семь лет его жизни, а между тем Тайсон не проявляет ни малейшей нервозности и впоследствии скажет, что был «спокоен», «расслаблен», зная, что не может проиграть. Его тренер, Кевин Рунн, дав Тайсону последние наставления, касается лбом его лба и логонько целует Тайсона в щеку. Дилланта всегда удивляет такое сочетание суеверных страхов и силы, искренней детской привязанности боксера и их тренеров, зрителей неизменно поражают объятия соперников-боксеров в порыве благодарности друг другу за проведенный бой. Но именно такое поведение и отвечает самой сущности бокса.

Как только звучит гонг, возвещающий о начале боя, из своего угла Тайсон устремляется навстречу Бербику. В эти секунды, когда происходит горздо больше, чем возможно успеть заметить, все-таки ясно, что из этих двоих Тайсон сильнее. Он наносит удары, будто срабатывает пусковой механизм. В самом начале второго раунда мощной комбинацией ударов он кидает Бербика на пол. Но Бербику удается подняться на ноги, Тайсон хуком слева в правый висок, «в жизненно важную точку», снова посылает его в нокаут (Кас Дамато, помимо всего прочего, был еще и преподавателем анатомии). Под дикие вопли толпы Бербик с усилием поднимается на ноги, в его глазах нет надежды, ватной походкой пересекает ринг, еще раз бессильно откидывается на канаты и снова усилием воли поднимается, шатаясь, пересекает ринг навстречу Тайсону. Он едва держится на ногах, и рефери Милз Лейн останавливает бой. Этот кошмарный вид человека, пытающегося не потерять сознания, сохранить контроль над своими движениями перед девятью тысячами зрителей, похоже, надолго останется в моей памяти.

На второй минуте тридцать пятой секунды второго раунда бой окончен. «Я — чемпион мира в тяжелом весе», — сказал двадцатилетний Майк Тайсон, появившись на экранах телевизоров, —

и я выиграю бой у любого боксера в мире». Эра воспоминаний о Мухаммеде Али наконец закончилась.

Бокс, как утверждает экс-чемпион в тяжелом весе Джордж Форман, — это спорт, стоящий над всеми остальными видами спорта. Это квинтэссенция мужества и борьбы человека не только против других, но и против своего собственного раздвоенного я. Мне же приходит в голову сравнение бокса с поединками римских гладиаторов, в которых побежденные обычно умирали. Оно страдает неточностью, но как метафора вполне уместно. Многие боксеры, в особенности молодые, такие, как Майк Тайсон, верят, что на ринге они бьются не на жизнь, а на смерть. После поединка с Бербином Тайсон возбужденно говорил: «Я не позволю наносить мне травмы, я не позволю сбить себя с ног; я не позволю взять над собой верх — не хочу, чтобы меня прикончили и вынесли с ринга».

А между тем бокс, несмотря на устрашающую рекламу и ореол насилия, не самый опасный для жизни вид спорта. По числу жертв он стоит после футбола, скачек, автогонок, альпинизма и некоторых других видов, но состязание человека с человеком выражается в такой жестокой и грубой форме, что ставит наше цивилизованное общество в крайне неловкое положение, напоминая человеку о его первобытных инстинктах. Ну и что, как однажды заметил чемпион в полусреднем весе Фриц Зивич, «ведь это драка, а не игра на пианино».

Вне ринга Майк Тайсон держится настороженно, говорит, взвешивая каждое слово, остерегается незнакомых людей, но всегда учтив и предупредителен. Он умен, но его интеллект выражается не в словах, которые он мне говорит. Не сомневаюсь, что, как и на ринге, он и сейчас, давая интервью, руководствуется той же заповедью: «Защищайся, чего бы тебе это ни стоило».

Тайсон — человек сложной натуры, погруженный в самоанализ, но сознательно не желающий это признать. Своей мальчишеской щербатой улыбкой он обезоруживает репортеров, строящих предположения о его будущем. Наивно заявляет, что жизнь его самая обыкновенная: «вы не поверите, до чего простая», — говорит он. — Я слишком молод, чтобы беспокоиться о будущем. Пусть беспокоятся они». (Он имеет в виду своих менеджеров Джима Джекобса, Била Кэйтона и тренера Кевина Руни). Отношения молодого боксера с «семьей» — круг людей, связанных меж собой благодаря Касу Дамато — защищают его от внешнего мира. Его семья любит его, и он любит их — это так просто, что даже завидно.

«Я счастлив, когда я на ринге. И в день матча и во время подготовки к нему я счастлив», — говорит Майк. Мы в квартире Джима и Лорен Джекобсов на Манхэттене. В черном шерстяном свитере, отделанном кожей, в черных вельветовых брюках, на которых ни ворсинки, на руке — браслет с драгоценными камнями. Майк Тайсон совсем не похож на того человека, который семь дней назад сокрушил Тренора Бербика, и вовсе не похож на свои рекламные фотографии, опубликованные и здесь, и за рубежом.

Когда я спрашиваю его, что он думает о своем имидже — «Свиралый Майк Тайсон», Тайсон бормочет неопределенно: «Что поделаешь». Потом вдруг говорит, что ему было бы интересно увидеть свой бой, сидя в зале среди публики, где такое возбуждение. Зрители воспринимают бой словно сгусток ярости, а на ринге все рационально продумано.

Когда после поединка с Бербиком его спросили, почему он хочет установить рекорд, «который никто и никогда не побьет», Тайсон ответил: «Я хочу стать бессмертным! Я хочу жить вечно!» Конечно, это прозвучало забавно, и так случалось нередко, когда он делал подобные заявления. Но он всегда до предела серьезен.

Майк Тайсон рос в Бруклине. В 10 лет, как самому маленькому в банде, Майку поручали нести оружие. «Пожалуйста, не думайте, что я был очень уж плохой», — говорит он. — Я участвовал в грабежах и кражах, а другие делали кое-что и похуже — убивали людей». Тайсон жил на улице, спал в заброшенных зданиях; когда его арестовали, ему было 11 лет. Его направили в детское исправительное заведение на севере штата Нью-Йорк. Он был вспыльчивым, замкнутым, молчаливым и одним из самых «неисправимых» во всей исправительной школе. Когда он срывался, требовалось несколько взрослых, чтобы его унять.

Два года спустя судьба свела Майка Тайсона с Касом Дамато, прежде выросшим из такого же малолетнего преступника Флойда Паттерсона, чемпиона в тяжелом весе; открыл Жозе Торреса, ставшего чемпионом в 1965-м, а сейчас возглавляющего Комиссию по спорту в штате Нью-Йорк. Наблюдая за тринадцатилетним Тайсоном, боксировавшем на ринге в гимнастическом зале над полицейским участком в Кэтскилле, Дамато сказал тренеру исправительной школы: «Вот будущий чемпион мира в тяжелом весе. Если он захочет, титул у него в кармане».

Такова легенда, но очень многое в ней правда. Малолетнего преступника берет к себе один из величайших тре-

неров в истории бокса; того освобождают под поручительство Дамато, и два года спустя Дамато официально усыновляет его. Тайсон живет, тренируется и, что самое главное, его заботливо воспитывают в большом доме в Кэтскилле вдали от черного гетто, где молодой Майк Тайсон, возможно, был бы обречен.

«Кас был моим отцом, но для меня он был больше, чем отец», — говорит Тайсон (настоящие его родители умерли). — У вас может быть отец, и что из того? А для вас он ничего не значит. Кас был моей главной опорой в жизни, он все делал в моих высших интересах. Мы все время были вместе, разговаривали о вещах, которые я только потом понял, — про характер, про мужество. Про героизм и трусость — герой и трус, оба чувствуют одно и то же, но герой извлекает выгоду из своего страха, обращает его против соперника, а трус спасается бегством».

Словно пастырь Дамато исподволь вселял в Тайсона, так же как, без сомнения, и в других своих юных послушников-боксеров, некую философию самоотречения, дисциплины, воли, цельности, независимости — всего того, что Тайсон называет «характер». Характер боксера имеет гораздо большее значение, чем его мастерство, — вот во что верил Дамато. Главное то, что Дамато вселил в Тайсона непоколебимую веру в себя. «Он говорил, что я буду самым молодым чемпионом-тяжеловесом в истории», — поражается Тайсон. — И вышло, как он говорил».

Если Тайсон смотрел на Дамато как на отца, то и Дамато считал Тайсона сыном. В 1985 году в интервью незадолго до смерти семидесятисемилетний Дамато признался, что этот юноша значит для него «все». «Если бы не он, я, возможно, и не дожил бы до сегодняшнего дня», — сказал он. — Понимаете, я считаю, что на протяжении жизни человек открывает для себя много радости благодаря людям, о которых он заботится. Потом естественный ход вещей отнимает их у тебя одного за другим. Таким образом природа готовит тебя к смерти. Понимаете, радости у меня больше не было. Друзья мои ушли, я глух, слеп, остались только воспоминания. И я уже решил для себя, что должен готовиться к смерти. И тут появился Майк. Сам факт того, что он здесь и делает то, что он делает, дает мне основание жить». И Дамато по-прежнему живет в душе Тайсона. Это его вера.

В дорогом ресторане в центре города, в котором наша компания обедает после интервью, Майк, вероятно, был единственным чернокожим. Возможно, он был и самым молодым, и единственным человеком на при галстуке. И наверняка единственным с любительской татуировкой «Майки» на правом предплечье, и единственным, кто не так много лет назад был «неисправимым». Тайсону преподносят дар: огромное стеклянное пресс-папье в виде яблока, символизирующего Нью-Йорк.

27 За этот нокаут Тайсон (справа) получил 1,5 миллиона долларов.

(Неофициальное название Нью-Йорка — Большое яблоко). Его фотографируют, он щедро улыбается, благодарит за пресс-папье и стоит, ошеломленно глядя на него. Я спрашиваю Тайсона, нравится ли ему быть знаменитым? «О'кей», — говорит он. А затем: «Чаще всего меня это бесит». Я удивлена: ведь он так мило улыбается фотографам. В ответ Тайсон пародирует улыбку звезды: оскал одновременно яростный, и забавный, и ироничный, и вдохновенный.

Его образование ограничивается исправительной школой. У него нет интереса к музыке: «Я могу жить и без музыки». Круг его чтения ограничен книгами и журналами по боксу. Его любимые фильмы все в фильмотеке Джима Джекобса, в которой двадцать шесть тысяч документальных фильмов о боксе, он смотрит старые бои почти с детским азартом.

Майк Тайсон относится к себе по-хозяйски, как относится к себе вундеркинд, не позволяя мысли забираться в те области, которые не имеют отношения к его непосредственному таланту. Он не хочет тратить себя на чувства за исключением тех, которые лежат в русле выбранного им направления. Реальная жизнь причиняет боль, она крайне неопределенна, на ринге же существует только или — или.

По той же причине Тайсон не желает слишком задумываться о возможности несчастного случая на ринге.

Маленький гимнастический зал является собственностью деревни, но сдается внаем за символическую плату в один доллар за год мемориальному боксерскому клубу Каса Дамато. В этом зале пустынно. Он так не похож на нынешние, технически оснащенные, роскошные спортивные клубы. В нем только ринг и несколько боксерских груш; краска на потолке пошла пузырями, облезлые стены оклеены газетными вырезками, объявлениями, фотографиями и афишами великих чемпионов прошлого. Под траурной лентой «Мы оплакиваем его уход» множество вырезок и портретов Каса Дамато.

На рассвете Тайсон уже пробежал свои пять миль: «Мне нравится бегать рано утром, потому что в это время вокруг никого». Он приступает к «разминке», переходит от одного спортивного снаряда к другому под внимательным наблюдением тренера Калаина Руни. Тридцатилетний Руни, тоже протеже Дамато, боксер полусреднего веса, прежде боксировал в паре с Тайсоном, когда тот был еще подростком.

Изнурительные физические упражнения требуют еще большей отдачи и физической выносливости, чем любой из боев, которые провел Тайсон в последнее время. Руни установил таймер с двумя лампочками — красной и зеленой. красная приказывает Тайсону остановиться и отдохнуть, зеленая — продолжать тренировку. В течение 10 минут он работает с прыгалками, он словно в трансе, веревочка мелькает так быстро, что ее почти не видно. По-

том тяжелая груша, Руни стоит рядом и после каждого шквала ударов эти двое согреваются, в то время как груша коварно раскачивается между ними и вокруг них. Тайсон прыгает из стороны в сторону с невероятным проворством — торс остается почти неподвижен, а сам он все время вертится и наносит удары такой пугающей силы, что мне страшно подумать, чем могут они обернуться против живого соперника.

Тайсон и Руни лезут на ринг. Руни в боксерских перчатках и в защитных щитках. Тайсон снова наносит удары. После ринга — совсем маленькая груша, размером с кулак, Руни ударяет по ней, а Тайсон отскакивает и покачивается, уклоняясь от удара гипотетического противника. Наконец скоростная груша. Во время боя не увидишь так ясно, как здесь, в гимнастическом зале, что рост Тайсона (его считают невысоким для тяжеловеса) дает определенное преимущество. Тайсон способен наносить удар, направленный вверх, при этом используя не только силу мышц плеч и рук, но и мышцы ног, а они у него массивны. Держась слегка согнувшись, он еще и уменьшает свой рост, повышая тем самым способность уклоняться от ударов. Но больше всего в Тайсоне меня поражает его скорость. Удивительно, как может он быть столь проворным с таким весом и с таким телосложением!

И вот он падает на стул, черное трико промокло от пота, пот льется по лицу, будто слезы. Руни готовит его к длительным боям, хотя и большинство боев Тайсона длилось не более пяти минут. «Я устал», — едва выговаривает он.

Тайсон принимает душ, одевается и выходит в джинсах, белой куртке, твидовой кепке, в ослепительно белых спортивных туфлях Гуччи.

Его жизнь в Катскиле очень размеренная: подъем в шесть утра, отбой в десять вечера, диета, фруктовый сок — никакого алкоголя или кофеина. Чутьочка монашеского спокойствия в этом полусельском окружении.

Его самая большая привязанность — молодая сучка редкой китайской породы, Шар-Пей, с трогательно безобразной мордочкой мопса, с набегавшими складками на спине. И она тоже — само выражение преданности. «В Китае их разводили для охоты на кабанов — вот почему у них такие складки на спине», — объясняет он. — Когда кабан пытается вцепиться в их спину, они изворачиваются и опять нападают». Он любит эту собаку. В первый раз за сегодняшний день Тайсон выглядит действительно счастливым. А я спрашиваю то, что он сказал, с его стратегией на ринге — ускользая от ударов противника, он возвращается в исходное положение и с четкостью мощного механизма наносит рассчитанный сокрушительный удар.

Перевела с английского
НУ ХРОСТИКА

ПЯТЬ ЧАСОВ ДО КОНЦЕРТА

И в этот миг из коридора послышался топот, как будто туда ворвалось стадо слонов. Шаги подкатились к двери, и она взорвалась толстым мальчишкой в майке с надписью «Айрон мэйден». Он и здесь продолжал топать, переминаясь на своих шумных ногах. Убедившись, что его появление не осталось незамеченным, толстяк сделал жалобное лицо и принялся что-то канючить по-немецки. Рудольф Шенкер строго посмотрел на гудящего и сказал: «Здесь не все знают немецкий, так что изволь говорить по-английски». Это неожиданное требование выключило шумовое устройство, малый затих и всей своей кругленькой фигурой попытался изобразить немислимое страдание, но, наткнувшись на неумолимый взгляд Шенкера, понял, что отвертаться не удастся, снова несколько раз пнул пятками пол и с жутким акцентом выдал: «Папа, можно я пойду погуляю?» — «Ну, наконец-то. Уйди с глаз долой! Чтоб до концерта я тебя не видел!» Через секунду слоны мчались по коридору в обратном направлении.

«Сын! — с гордостью произнес Рудольф. Потом сокрушенно пожал шипованными плечами и мрачно добавил: — Ему бы, балбесу, учиться, а на уме только «Айрон мэйден», «Айрон мэйден»!»

КОНЦЕРТ

Во время концерта стало понятно, что Шенкер-младший поехал с отцом не напрасно, его мастерство было не менее необходимо «Скорпионс», чем мастерство музыкантов: публика ленинградского спортивно-концертного комплекса демонстрировала свою любовь к музыке, щедро расстреливая группу горящими «бенгальскими огнями». Огненные роднички били из сцены, и Шенкер-младший, вооруженный мокрым полотенцем, бросался на них из-за кулис словно огромный кот на раскаленных мышьях. Когда вся сцена оказывалась засыпанной останками бенгальского веселья, оператор на пульте приглушал свет, и маленький Шенкер с маленькой метелкой носился между музыкантами, в считанные секунды сгребая с пола проволочные трупики. Это была серьезная и нужная работа.

ЛЮБОВЬ И „СКОРПИОНЫ“

Когда в Москве гастролировали «Юрайя Хип», возникла проблема контакта группы с публикой: вопреки всем просьбам музыкантов и представителей Госконцерта, вопреки призывам прессы руководство спорткомплекса «Олимпийский» не уступило, и 30-метровая зона между сценой и первыми рядами партера оставалась зоной отчуждения: публику туда не пускали. В Ленинграде эту проблему решили в пользу зрителей. Но, как выяснилось, не в пользу «Скорпионс»: позже менеджер группы сказал, что для него остается загадкой, каким образом музыканты не получили увечья. Здесь, в Ленинграде, доступ к сцене был беспрепятственным. Трудно сказать, сколько сотен втиснули себя в «зону», но металлических «бенгальских огней» среди них было предостаточно. Когда где-нибудь в Англии или в ФРГ на концерте популярной группы зрители зажигают свечи или все те же «бенгальские огни», это считается символом уважения к музыкантам и к музыке. В Ленинграде же огненный шквал, обрушившийся на одну из самых почитаемых в Советском Союзе групп, стал символом, уж извините, бескультурья. Интересно, думали ли «огнеметатели», когда вершили свой «подвиг», о том, какой козырь дают они любителям запретов? Между прочим, в Москве гастрол «Скорпионс» отменили... Неужто предусмотрительность была оправданной?

ПЯТЬ ЧАСОВ ДО КОНЦЕРТА

Тридцать девять лет: мужчина в этом возрасте еще не старик, но уже и не юноша, через год — сорок, а там, глядишь, и пятьдесят, а далее — седина, внуки, плешь, лекарства, опять лекарства, туда лучше не заглядывать. Рок-музыка 80-х заметно омолодилась, но погоду все-таки делают те, кто начинали в конце 60-х — начале 70-х, и им сейчас как раз к сорока или чуть больше. «Скорпионс» тоже начинали на том рубеже, правда, погоду они стали делать только десять лет спустя, но у каждого свой срок. Не столь важно — когда, чуть более важно — как, но сейчас «Скорпионс» знают во всем мире и даже в США, а это для рок-музыкантов показатель, особенно для рок-музыкантов из неанглоговорящих стран. Почему? Потому, что статус рок-группы определяется ее международной популярностью, успех на родине критерием не является: группу должны признать в двух столицах рок-музыки, в Лондоне и Нью-Йорке. Только после этого группа может претендовать на выступления в качестве «гвоздя программы».

Тридцать девять лет — возраст творческого расцвета музыканта, так считает Клаус Майне. Ему тридцать де-

Клаус Майне невысок, его даже можно было бы назвать маленьким, если бы не какая-то звериная грация. Клаус входит в комнату, здоровается, лавирует между креслами, усаживается, и каждое движение необыкновенно уместно, пластично, в каждом движении чувство собственного достоинства и естественность. Сравнение нелепое, но так же естественно ведет себя хищник в клетке, которая выставлена на всеобщее обозрение.

У него очень грустные карие глаза, он смеется, шутит, сам задает вопросы, но кажется, будто что-то его постоянно тревожит. Когда в рок-прессе появляются фотографии мрачных звезд, поклонники начинают беспокоиться, что, в общем-то, вполне понятно: угрюмые физиономии «битлов» в конце 1969 года, скорбный лик Оззи Осборна второй половины 70-х, как мы теперь знаем, свидетельствовали о приближающемся кризисе. Может, печаль Клауса Майне — признак того, что и со «Скорпионами» не все в порядке?

«У «Скорпионс» действительно был трудный период — нет, нет, мы не собирались расходиться, просто пластинка 1984 года получилась, пожалуй, самой сильной, а это означало, что следующий студийный альбом обязан быть еще лучше. Мы отправились в кругосветное турне, из которого привезли концертный двойник, он вышел в 1985 году. (Поскольку именно я переводил нашумевшую статью Т. Холмса в № 8 «Ровесника» за 1986 год, в которой Холмс изрядно «погромил» этот альбом, было интересно узнать мнение музыкантов относительно критики: как сказал Клаус, группа вполне согласна с мнением рецензента, хотя «читать такое про себя — занятие не из самых приятных». — Авт.) Но из того турне мы привезли и несколько но-

С. КАСТАЛЬСКИЙ

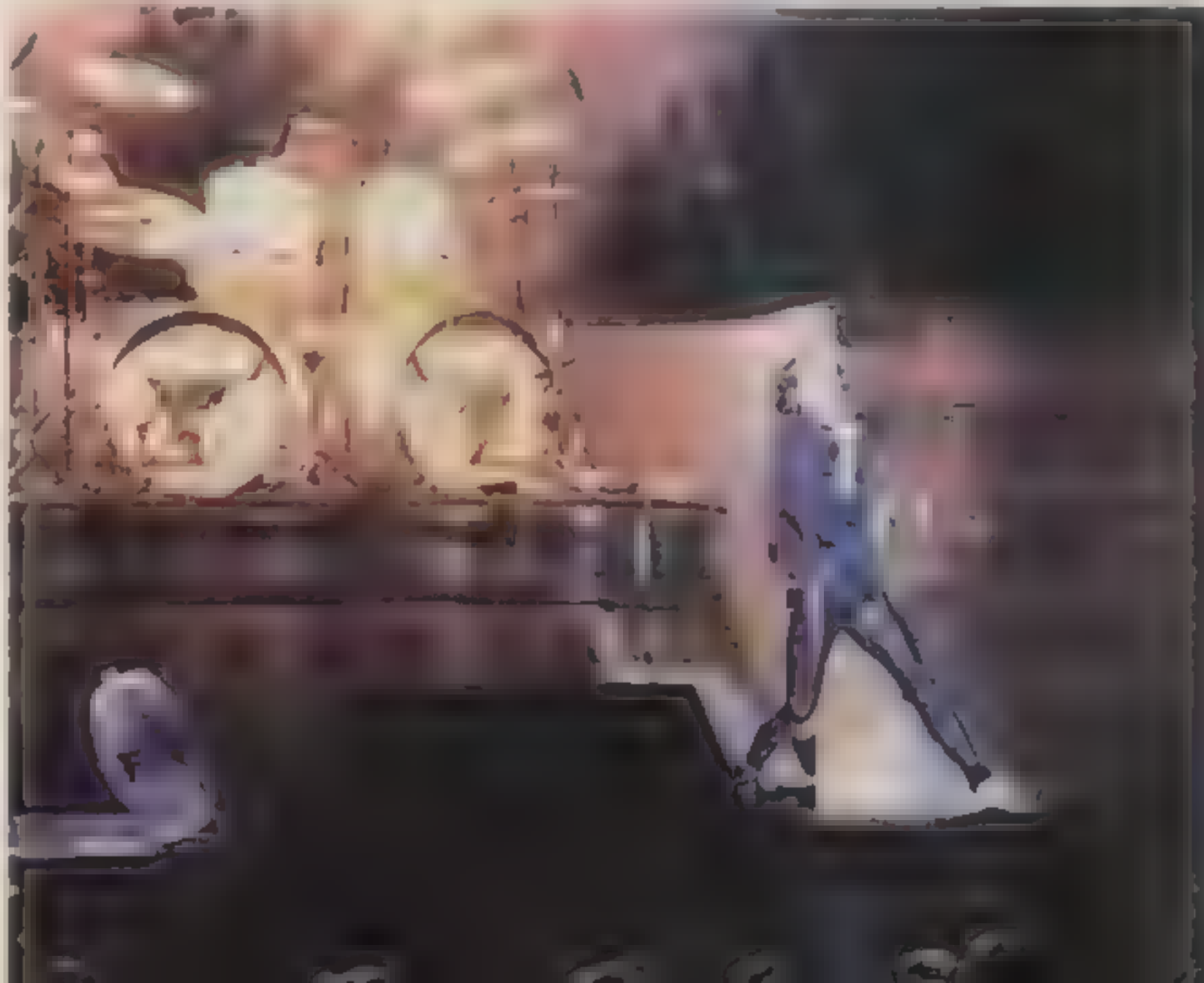
вых песен, они легли в основу пластинки этого года. Иногда записи проходят на одном дыхании, но наш новый диск рождался очень тяжело, почти три года проб и ошибок, записей и перезаписей.

Проблемы? Они есть всегда, и это хорошо. Нет проблем — значит, нет и творчества. Если группа или музыкант каждый раз не ставят перед собой новых задач, если благополучное существование гарантировано прошлыми заслугами, вот тогда и наступает кризис, выйти из которого удаётся далеко не всем.

Рубежей у «Скорпионс» было предостаточно. Мы никогда не испытывали недостатка в музыкальном материале, мелодические решения всегда были более или менее естественными, но начинали мы очень трудно, мы вели настоящую борьбу за существование. В 1972 году, когда «Скорпионс» только образовались, нам порой приходилось решать невероятно сложные финансовые вопросы типа «купить сигарет или заправить машину, чтобы отправиться на концерт»: на то и другое одновременно нам не хватало денег. Пришлось бросить курить.

К середине 70-х мы были уже популярной группой, но только дома, в Западной Германии. Когда приезжали английские или американские знаменитости, о нас тут же забывали, в лучшем случае нам доверяли получасовое выступление для «раскачки» публики. Мы «подогревали» зал перед концертами «Аэросмит» и «Кисс», и учились у этих групп.

Потом мы осмелились на гастролы по США, и вот это был рубеж: группу из Англии американцы еще кое-как воспринимают, но концерт западногерманского ансамбля! Да неужели и там

есть рок-музыка? И поют по-английски, невероятно! Всякий раз, выходя на сцену, мы доказывали той публике (и самим себе, кстати), что рок — явление интернациональное. Правда, с одной оговоркой: чтобы стать частью этого явления, группа не только должна хорошо играть и сочинять хорошую музыку: она еще должна исполнять свои песни по-английски. Только по-английски, альтернативы нет: у рок-музыки есть вполне определенные традиции, они складывались десятилетиями, существуют законы жанра, связанные в том числе и с фонетической структурой языка. Дело не в небрежении родным языком — ну не «ложится» немецкий на рок, что с этим поделаешь?»

КОНЦЕРТ

«Я люблю вас, ленинградцы!» — по-английски кричит Клаус Майне, увораживаясь от кусочков горящего металла, которыми в него швыряют благодарные ленинградцы. «Я люблю тебя, поверь в последний раз», — начинают «Скорпионы» свою самую знаменитую песню, и останавливаются, потому что рев зала с запасом перекрывает многокиловаттные колонки.

«Я все еще люблю тебя!» — поет гитарист Рудольф Шенкер. Бравые поклонники методично чиркают спичками, приправляя сценографию концерта дополнительными пиротехническими эффектами.

«Мне очень понравилась ленинградская публика», — скажет позже Рудольф. Он вежливый человек; также чувствуется хорошее воспитание.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ДО КОНЦЕРТА

«Мы не политическая группа, мы не поем песен протеста, наша задача — зарядить слушателей положительной энергией, энергией созидания». Таково мнение о «Скорпионах» Рудольфа Шенкера. Ему, как и Клаусу Майне, тридцать девять, как и Клаус Майне, Рудольф стоял у истоков «Скорпионов», как и Клаус Майне, он бессменный член группы с 1972 года.

В нем добрых два метра, притом Ру-

дольф Шенкер очень красив: идеально правильные черты лица, живописная грива светлых волос, приветливый, но несколько жесткий взгляд светлых глаз — он совсем не похож на бесполох лакированных героев, толпящихся на страницах «Браво» и «Поп-фото», и, что в нем самое симпатичное, он не позыер (хотя это было бы, в общем-то, достаточно естественным для человека с такой внешностью). Отвечая на вопросы, он горячится, жестикулирует, перебивает самого себя, вскакивает с места и кружит по комнате. Клаус Майне, прочно устроившийся в кресле, улыбается, наблюдая за перемещениями друга. Рудольф наклоняется к диктофону и быстро говорит: «Конечно, любовь, а что же еще? Только любовь правит миром, и только любовь выводит «Скорпионов» на подмостки. Что противостоит любви? Война. А какой нормальный человек может равнодушно относиться к войне — человек ненавидит войну, это аксиома. Так зачем же еще об этом и петь? Петь надо о любви, чтобы люди учились любить друг друга. То, что в нашем репертуаре нет политических песен, не означает, что нам чужды человеческие проблемы — просто нам кажется, что решить их можно любовью. Песню «Я все еще люблю тебя» мы написали в 1976 году, а включили в пластинку только через восемь лет. Почему? Во-первых, она опередила свое время, в 1976-м ее вряд ли сочли бы лучшей песней года, она выпадала из стилистики того десятилетия, а, во-вторых, сейчас дефицит любви гораздо более острый, поэтому сейчас эта песня более уместна.

Какой я? Что значит какой? А, добрый, злой, смелый или плут... В зависимости от обстоятельств, каждый раз другой. Наверное, самый настоящий я только в студии, когда работаю. Концерт тоже моя работа, там я тоже настоящий. Я свою работу очень люблю».

«Помимо того, что мы ее любим, нашу работу, — подает голос Клаус Майне, — она сближает нас с людьми тех стран, куда мы приезжаем на гас-

роли. Сейчас много говорят о проблеме стереотипов. Здесь, в России, я почувствовал, что никакой проблемы-то и нет: просто надо почаще смотреть друг на друга, тогда понимаешь, что мы ничем друг от друга не отличаемся, все мы люди Земли, у нас общие опасения и надежды. Рудольф прав, мы не политическая группа, и мы не политики, но наши встречи, контакты благотворно действуют на политику, значит, «Скорпионы» выполняют еще и побочную функцию, которая ничуть не уступает основной: мы помогаем сближению людей. Мы уезжаем из России с любовью».

«Вот вам еще одно преимущество моей работы, — смеется Рудольф, — для того чтобы побывать в Советском Союзе, моя мама выложила кучу марок, а я приехал бесплатно!»

ТРИ ЧАСА ДО КОНЦЕРТА

Девушка-костюмер готовит экипировку для вечернего выступления. В коридоре изнывает от безделья один из команды по обеспечению безопасности группы: крепко сбитая фигура, короткая стрижка, в левом ухе серьга, в руке — миниатюрная рация, которая периодически бормочет по-английски только одну фразу: «Джек, я совсем запарился, сейчас бы «пепси»...» Джек посматривает на костюмершу: «У тебя есть «пепси»?» Та проводит пятновыводителем по кожаным штанам и, не оборачиваясь, коротко отвечает: «Есть». Джек достает носовой платок, вытирает лоб, аккуратно прячет платок в карман и сообщает невидимому коллеге: «Приходи». Никто не приходит, и через пару минут весь разговор повторяется. Потом еще раз. И еще. Потом Джек изучает замысловатую татуировку на своем запястье, нет, все нормально, пока не выцвела. Ему очень скучно. Когда Майкл — это, оказывается, был Майкл — в двадцатый раз осведомился о прохладительных напитках, Джек выключил рацию и пробормотал: «Вообще нет работы». Потом пришел роуд-менеджер¹ и похвалил Джека. Потом роуд-менеджер ушел.

«Нравится ли мне музыка? — оживился Джек. — А я ее не слушаю, то есть не замечаю. Я на работе. Здесь у вас для меня нет никакой работы. Скучотища. Вот, помню, в Штатах! Однажды на концерт пожаловали ребята из «Общества Джона Берча»², так мы с Майклом пятнадцать минут блокировали выход, пока музыканты не уехали. Мы вдвоем этим ублюдкам крепко наваляли!» Он снова включает рацию, и сидящий в ней Майкл говорит: «...совсем запарился...» Джек опускает жалующегося на жару Майкла в карман и закрывает глаза. Скучно.

В дверях появляются костюмерша и Рудольф Шенкер. Они торжественно

¹ Роуд-менеджер — менеджер, отвечающий за гастрольные поездки группы. — Здесь и далее прим. ред.

² Профашистская правая организация. 30

несут майку. Рудольф спрашивает: «Что здесь написано?» На майке западногерманского производства огромными русскими буквами начертано «Политику партии одобряем!». Чуть ниже надписи изображен рабочий со знаменем. Джек пробуждается и оглушительно чихает. «Отлично,— говорит Рудольф,— вот в ней я и буду играть вечером». Снова на минутку забегают роуд-менеджер, восхищается производством текстильной промышленности, вручает Джеку банку «пепси», хвалит майку, Джека и «пепси» и снова исчезает. Из недр концертного комплекса доносятся аккорды: репетирует «Парк Горького», наша группа, «подогревающая» публику перед выступлением «Скорпионс».

«Между прочим, очень неплохая группа.— Клаус Майне отбрасывает волосы за спину и придвигается к диктофону.— Чтобы превратиться в звезду, им надо совсем немного: регулярные гастролы вместе с классными западными группами и поддержка прессы». Опять справедливо, но если с прессой проблем нет, то перспективы на гастролы, тем более регулярные, да еще с классными группами, пока кажутся иллюзорными. А вообще-то уже пора: если бы «Парк Горького» получил возможность выступать со «Скорпионс» на протяжении всего теперешнего турне, которое, как и в 1985 году, должно пройти через весь мир, то кто знает, может быть, группа смогла бы пригласить для открытия своих концертов, скажем, тех же «Чип трик»?

«Нам очень хорошо понятно положение советских групп,— продолжает Клаус.— Мы ведь тоже не из родоначальников рока, мы тоже преодолевали огромное сопротивление и даже неприязнь слушателей в Англии и США. Там понятия не имели о таких немецких группах, как «Кэн», «Тэнджерин дрим», «Крафтwerk», «Крайс» — грустно улыбается Клаус. Прямо не человек, а сфинкс какой-то! Что же его угнетает?

«Теперь Западная Германия занимает почетное место на карте рок-музыки, а новая волна немецкого «металла» обходит земной шар по второму кругу!» — кричит Рудольф. Он уже успел куда-то сбежать, вернулся, немного отдохнул, а сейчас гремит кожаной концертной обувью в дальнем углу комнаты. Видимо, способность создавать собою шум у Шенкеров в крови. «А кто открыл дорогу «Аксепт», «Хеллоуин», «Раннинг уайлд»? «Скорпионс»! Мы приняли весь удар на себя, не сломались и создали условия для творчества другим».

Это правда. Как бы мы ни относились к музыке «Скорпионс», они были в числе первых западногерманских групп, прорвавшихся на всемирную эстраду и ставших международными знаменитостями. И если в области психоделического арт-рока приоритет «Тэнджерин дрим», «Кэн», «Крайс», «Фрампи», Клауса Шульце можно оспаривать, то лидерство «Скорпионс» в

мелодичном хард-роке несомненно. Очень часто их музыку называют коммерческой, но если считать коммерческой музыку с ярко выраженной мелодикой, то в эту категорию попадут и «Битлз», и «Пинк Флойд», и ранний «Генезис», и даже Карлос Сантана. Может быть, коммерческая — это все-таки музыка, в которой преобладает навязчивый ритм с заблудившейся в нем примитивной мелодией, то есть евробит, или, как его у нас называют, евродиско? Может быть, для создания композиций в жанре хард-рока все-таки прежде всего надо обладать талантом, а не умением программировать электронные ударные?

КОНЦЕРТ

Клаус Майне медленно поднимается на сцену. Луч прожектора освещает его фигуру снизу, и Клаус становится почти великаном. Огненные стрижки с шипением пропаривают воздух у него над головой. Рудольф тянется грифом к залу, из-под его пальцев срывается пронзительное соло: все быстрее и быстрее бегут пальцы, все выше и выше забирается по октавам голос Клауса, мягкая канонада бас-гитары накрывает притихший зал, и нежнейшая вязь барабанного пульса сливается с грозным клекотом ритм-гитары. «Бэд бойз раннинг уайлд» — «Парни разозлились»: переполненная энергией композиция, как тяжелая бабочка, порхает над слушателями. Галопирует прищипоренный ритм, и из аранжировки выглядывает оскал трэш-метал.

ДВА ЧАСА ДО КОНЦЕРТА

Клаус Майне разглядывает «Ровесники» с очередным постером — это «Металлика». «Отличная группа, никакого сомнения, но...» — Клаус, как бы извиняясь, пожимает плечами, — это не моя музыка. Знаю, многим трэш- и спид-метал нравится, каждому свое, но лично я к этому стилю равнодушен. Любимая группа? «Лед зеппелин».

Рудольф тоже любит «Лед зеппелин». Он считает, что это ориентир для многих групп: «А почему нет? Бездна таланта, какие мелодии, аранжировки! Их песни пережили саму группу, завидная судьба. И вообще, что бы все мы делали без «Битлз», «Холлиз», «Ярдбердз»? Старики знали свое дело, нам только остается учиться у них. Сколько? Всю жизнь. Потолка нет, как нет «королей» и нет трона — многие примеряют на себя корону, играют со скипетром, но это иллюзия, рядом другие делают то же самое. Какой бы выдающейся ни была группа, каких бы высот она ни достигла, всегда есть более выдающиеся. Уважения достойны только тот, кто идет дальше, выше».

По итогам читательского опроса журнала «Метал хаммер» за прошлый год и «Скорпионс», и все входящие в группу музыканты заняли места в символических «десятках»: «Скорпионс» — седьмое место, Клаус Майне — пятое, Рудольф Шенкер — седьмое, Герман Рэйрбалл (ударные) — третье, Фрэн-

сис Буххольц (бас) — шестое. Никуда не попал только второй гитарист, Маттиас Джабс, но это по недоразумению: взаимозаменяемость гитар в группе поразительная, и те соло, которые извлекал из своего инструмента Джабс, вполне могли бы принадлежать и Рудольфу.

«Бывает ли так, что в душе поднимается муть, злоба? Конечно,— Рудольф улыбается,— я же живой человек. Но никогда эта злоба не попадет в зал, никогда мое дурное настроение не заденет слушателя — в конце концов, это не то сокровище, которым надо делиться с публикой. Я профессионал, и на работе обязан быть в безукоризненной форме. А поскольку моя работа — нести людям любовь, то я как-нибудь обойдусь без злобных мыслей».

«Хотел бы я быть богом? Нет, конечно, потому что это был бы уже не я,— Клаус задумчиво барабанит пальцами по столу.— Никаким богом — даже самым-самым, всевышним, который может все. Хотя вылечить людей от болезней, остановить войны было бы здорово, но это будет иметь смысл только тогда, когда сами люди захотят прекратить войны, ни один бог не сделает это за нас. И богом для своих слушателей я тоже не хочу быть. Идол, это ужасно! Пусть они знают, что я такой же, как они, если они захотят победить лень, если они очень сильно захотят — они станут во много раз лучше меня!»

КОНЦЕРТ

Погас маленький фонарик, вставленный в басовый барабан, перестали вращаться сложные конструкции, зависшие над сценой. В последнем поклоне, навстречу снопам бенгальских искр склонились «скорпы», зажегся свет в зале, и волшебство, которое полтора часа делило сцену с музыкантами, испугалось и спряталось за кулисами. «Скорпионс» успокоят его и заберут с собой, их гастролы только начались, и оно им еще пригодится.

ДИСКОГРАФИЯ «СКОРПИОНС»

1. «Lonesome Crow» — «Одинокая ворона», 1972.
2. «Fly to the Rainbow» — «Полет к радуге», 1974.
3. «In Trance» — «В трансе», 1975.
4. «Virgin Killer» — «Невинный убийца», 1976.
5. «Taken by Force» — «Захваченный силой», 1977.
6. «Thunder in My Heart» — «Мистер Сердце грохочет», 1977.
7. «Tokyo Tapes» (2LP-Live) — «Концерт в Токио», 1978.
8. «Lovedrive» — «Желание любви», 1979.
9. «Animal Magnetism» — «Животный магнетизм», 1980.
10. «Blackout» — «Затемнение», 1982.
11. «Love at First Sting» — «Любовь с первого укуса», 1984.
12. «World Wide Live» (2LP-Live) — «Двойной концертный альбом», 1985.
13. «Savage Amusement» — «Дикая забава», 1988.

Thomas Gresser
Bass
Backing Vocals

Michael Weikath
Leadguitar Backing Vocals

Ingo Schwichtenberg
Drums

Michael Kiske
Lead Vocals

Kai Hansen
Leadguitar
Backing vocals

Западногерманский кантитет «Хеллоуин» сравнительно юный, как, впрочем, и его участники, первый юбилей группы — пятилетие со дня образования — еще впереди. Но и за такой недолгий срок «Хеллоуин» приобрели репутацию одного из лидеров современного тяжелого рока: с триумфом прошли первые гастролы в США, группу прекрасно принимали английские любители хард-рока —

последнее обстоятельство играет, пожалуй, решающую роль, поскольку о признании на родине «Лед зеппелин» и «Дип перпл» мечтает любая группа. Мечта «Хеллоуин» сбылась, теперь остается суший пустяк — надо работать так, чтобы новые пластинки были лучше прежних, а, как мы знаем, такое требование очень часто оказывалось не под силу даже «королям» рока. Успеха вам, «Хеллоуин»!